КОЛЛЕКЦИОНЕР
ПОРОКОВ И СТРАСТЕЙ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Девушка, Джокер, Поэт и Воин

Татьяна Полякова

Коллекционер пороков и страстей

«Эксмо»
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Коллекционер пороков и страстей / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2015 — (Девушка, Джокер, Поэт и Воин)

ISBN 978-5-699-84200-1

Девушка, Джокер, Поэт и Воин – наша маленькая компания занимается расследованием преступлений. К нам часто обращаются люди, разочарованные работой полиции. Так произошло и на этот раз. Месяц назад расстреляли семью известного художника и коллекционера Натана Лотмана. Выжить удалось лишь внучке Надежде. Теперь мы дружно ломаем голову: кто и за что так жестоко расправился с этими людьми? Опросив друзей и знакомых убитых, стало ясно: Лотман был далеко не ангелом и вполне мог нажить себе врагов. А тут кто-то вторую ночь вывешивает на клумбе перед окнами Максимильяна Бергмана, он же Джокер, мертвых ворон. Ворон – вестник несчастья. Это явное предупреждение! Но о чем? Безотчетный страх заползал в душу. Пытаясь разузнать хоть что-то о прошлом Джокера, я попала в ловушку, теперь моя жизнь висит на волоске…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84200-1

© Полякова Т. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 39

Татьяна Полякова
Коллекционер пороков и страстей

© Полякова Т. В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Какая встреча! Кто я, ты, конечно, знаешь,
Но суть моей игры едва ли понимаешь.

Роллинг Стоунз

Мертвая птица чуть покачивалась на короткой веревке. Кто-то подвесил ее за лапы на невысокий колышек, вбитый посередине клумбы. Ворона висела вниз головой, и ветерок играл перьями раздвинутых крыльев. Совершенно нелепое зрелище, учитывая, что клумба в центре города. Вряд ли кому-то пришло в голову таким образом бороться с засильем здесь этих птиц: неподалеку находилась церковь, которую окружали старые деревья, вроде бы когда-то давно тут было кладбище. Деревья оставались с тех времен, и вороны совершенно беззастенчиво их оккупировали. Поднимались в небо черной тучей и громко каркали. От этого особо впечатлительным гражданам становилось не по себе. В общем, кое-кто не возражал бы против сокращения их популяции, но не таким же варварским способом. К тому же клумба все же довольно далеко от церкви, уж точно не в трех шагах. Надо пересечь очень оживленную дорогу, чтобы там оказаться. Я перевела взгляд в том направлении. Возле церкви было непривычно тихо. Я видела птиц, то одна, то другая поднимались с ветки и после короткого перелета скрывались в листве соседнего дерева. Как будто тревожились, но не смели заявить об этом вслух. А еще казалось, что время от времени они испуганно косятся на вбитый колышек и свою несчастную соплеменницу.

– Вот уж чушь, – пробормотала я, но чувство тревоги в этот летний полдень словно наполняло воздух. Запах цветов с терпким привкусом смерти.

Скорее всего это проделки мальчишек. Убили ворону и подвесили ее в центре клумбы. Должно быть, подобная затея казалась им смешной.

Вид мертвой птицы теперь вызывал отчетливый страх, явившийся на смену предчувствию, смутному, но от того еще более беспокоящему. Похоже, на ворону внимания никто, кроме меня, не обращал. Люди спешили по своим делам, не останавливаясь и даже не глядя в сторону клумбы. Впрочем, не удивительно. Находится она на перекрестке, здесь круговое движение, переход метрах в пятидесяти, и пешеходам возле клумбы делать нечего, получалось, что и смотреть в том направлении ни к чему. Хотя я посмотрела и птицу увидела. Водители проезжающих машин ее, безусловно, тоже видят, но едут себе дальше, возможно, как и я, теряясь в догадках, кому пришло в голову подвесить мертвую птицу.

– Не повезло каркуше, – услышала я совсем рядом, вздрогнув от неожиданности, и торопливо повернулась.

Димка стоял в трех шагах от меня и радостно скалил зубы. Надеюсь, вовсе не потому, что вид клумбы его забавлял, скорее, спешил продемонстрировать, как он рад нашей встрече. А вот я не обрадовалась. Точнее, толком не знала, как на нее реагировать.

– Привет, – произнес Димка, вернее, прошептал и легко коснулся губами моих губ с некоторой опаской, словно не знал, как я к этому отнесусь.

– Привет, – равнодушно отозвалась я.

Равнодушие напускное, хотя неплохо разыгранное. На самом деле встреча вызвала досаду и легкое раздражение, всколыхнув недавнюю обиду, в которой я даже самой себе не хотела признаться. Димка не звонил всю неделю. В прошлый понедельник он должен был вернуться с Камчатки, куда отправился рыбачить в тесной мужской компании. Там мне, само собой, не место. Я и не навязывалась. Димка предупредил, связь там ни к черту, и позвонит он сам, если сумеет. Наверное, не сумел. И связь была ни к черту не только на Камчатке, но и здесь.

– Джокер сказал, ты уехала к маме, – все еще продолжая улыбаться, нерешительно заговорил он.

– Ему лучше знать, – пожала я плечами.

– Так ты ездила к ней или нет?

– Ездила. Вернулась в понедельник.

Он, должно быть, уловил в моем ответе упрек и развел руками:

– А мне пришлось задержаться. Джип сломался, прикинь? И мы оказались без связи и средств передвижения.

– Настоящее приключение, – кивнула я.

– На самом деле не очень приятное. Пошли, – позвал он, а я спросила:

– Куда? – чем вызвала у Димки неподдельное изумление.

– К Джокеру, конечно.

Вот тогда я и подумала: мертвую птицу отлично видно из окон дома, где жил Бергман, или Джокер, как называли его компаньоны, впрочем, он и сам любил себя так называть. Я посмотрела на ворону и перевела взгляд на его окна. Димка, проделав то же самое, спросил:

– Что-то не так?

– Откуда мне знать? – проворчала я, не уверенная, что мы имеем в виду одно и то же. – Какому идиоту вздумалось повесить здесь птицу?

– Ты думаешь, это как-то связано с Максимильяном? – Теперь физиономия Димки выражала сомнение. А еще беспокойство. Он беспокоится за Бергмана, а на меня ему, похоже, плевать. Я что, ревную?

– Ворон – вестник несчастья, – усмехнулась я.

– Тебя это беспокоит? Появление птицы, я имею в виду?

– Ты меня как экстрасенса спрашиваешь? Или как свою девушку, которой дурные приметы покоя не дают?

– Мне нравится, как ты это сказала, – расплылся он в очередной улыбке. – Ты – моя девушка. Это в самом деле так?

– Вот уж не знаю. По-моему, это еще и от тебя зависит.

Он вздохнул и сказал неожиданно серьезно:

– Иногда я думаю, что от меня вообще ничего не зависит.

– Фигня. Ты мог уйти вместе со мной.

– А ты ушла? – Кажется, он в этом здорово сомневается. – Лена… – Он обнял меня и прижал к себе, а я так и стояла, опустив руки, в одной из которых держала сумку. – Прости, что не позвонил. Если честно, я думал… я думал, ты жалеешь о том, что случилось. Все как-то очень быстро произошло…

Я решительно высвободилась из его объятий и отступила на шаг.

– Говори за себя. Я ни о чем не жалею. А что касается стремительного развития событий… что ж, тут ты прав. Обещаю в следующий раз лечь в постель с мужчиной только после росписи в загсе.

– Господи, я же не об этом… – заволновался Димка.

– Давай все обсудим позднее, – дипломатично предложила я, а он с облегчением вздохнул:

– Хорошо. Идем, заодно спросим, что он думает по поводу этой вороны.

Наверное, это должно было прозвучать как шутка, но у меня вызвало раздражение.

– Да, спроси.

– Ты ведь пойдешь со мной? – нахмурился он.

– Нет.

– А что тогда ты здесь делаешь?

– Собираюсь забрать из ремонта хозяйский будильник, – ответила я. – Вон там ремонтная мастерская, а тут остановка троллейбуса, на котором я приехала. Так что все просто.

– А новый будильник ты купить не могла?

– Могла. Но хозяйке квартиры нравится ее старый. Пока. Рада, что ты вернулся. Я немного беспокоилась. – И, не дожидаясь ответа, я направилась в сторону мастерской.

– Я позвоню, – крикнул мне вслед Димка, а я помахала ему рукой, мол, давай, звони.

Но как только Димка скрылся в доме Джокера, выбросила мобильный в урну. Могла бы ограничиться сим-картой, а не разбрасываться телефонами. Это свидетельствовало о том, что разговор произвел куда более сильное впечатление, чем я того хотела. Впрочем, благодаря тому же Джокеру в деньгах я не нуждаюсь, пока, во всяком случае. И легко куплю новый мобильный.

В мастерской я пробыла минут пять, забрала будильник, сунула его в сумку и поспешила к остановке, но не той, что была рядом с домом Бергмана, а другой. Придется ехать с пересадкой, зато не надо опасаться, что встречу еще кого-то из троицы недавних компаньонов. Ничто мне, кстати, не мешало приехать сюда на машине. Или выбрать другую мастерскую, их, слава богу, в городе хватает. Приходится признать, все произошло вовсе не случайно. Может, встретить Димку я и не рассчитывала, но на что-то подобное надеялась. Пройти мимо дома Бергмана, убедиться, что он не исчез. Собственная категоричность зачастую идет во вред. Как раз мой случай. Я хотела, чтобы Димка ушел вместе со мной, из-за большого желания доказать себе, что кое-что для него значу, то есть не кое-что, а очень много. А он остался верен своим друзьям, или кем он их там считает, и я, гордо хлопнув дверью, вдруг поняла, что без этой троицы мир вокруг заметно обеднел. Вот такая печалька.

На глаза попалась вывеска кафе, и я решительно направилась в том направлении. Устроилась за столиком на веранде, заказала сок и кофе, изо всех сил стараясь не смотреть на крышу бергманского дома, которая проглядывала между деревьев. А если ворона появилась не просто так? «Не просто, не просто…» – отозвалось в сознании, будто кто-то насмешливо нашептывал в ухо.

Если Димка направлялся к нему, значит, Джокер уже вернулся из обожаемой им Венеции, а Вадим… куда он собирался? Вроде бы на Сейшелы. Он большой любитель экзотики.

Тут, пожалуй, стоит пояснить, кто такие эти трое. Хотя по-настоящему я этого и сама не знаю. Судьба свела нас всего-то пару месяцев назад, разбив мою жизнь надвое: до и после. «До» – жизнь обычной девушки с не совсем обычными способностями. Мне далеко до экстрасенсов, которых показывают по телевизору, но кое-что я умею. Даже попыталась использовать свои умения, но не преуспела. Мой двоюродный брат работает в полиции, и я в меру сил ему помогала. Когда неизвестные похитили девочку с намерением получить выкуп, я тоже пыталась ему помочь. Похитителя мы нашли, но девочка уже была мертва. А я решила, что о своих «способностях» лучше не вспоминать, раз уж нет от них никакой пользы. И уехала в другой город. Новую жизнь проще начать на новом месте.

Примерно с этого момента и начинается «после». Однажды заезжий гуру рассказал мне байку о том, что четверо людей дали клятву встретиться в другой жизни. Трое уже встретились, и теперь ждут меня. Ну а потом как по заказу: я получила карту-приглашение – даму червей – и вскоре оказалась в компании троих мужчин: бубновый валет, он же Поэт, он же Дмитрий Соколов, крестовый король, он же Воин, он же Вадим Волошин, и Джокер – Максимильян Бергман. У них что-то вроде детективного агентства с весьма солидной клиентурой. По край-

ней мере деньги заколачивают немалые, что и позволяет им отдыхать от трудов в весьма экзотических местах. Бергман решил, что им нужен человек с моими способностями. Хотя, если честно, способности у меня явно средние, вряд ли я сумею сделать то, что не смог бы он.

Кроме общей работы троицу объединяла некая тайна, которую мне не пожелали поведать. Бергман у них за главного, хотя утверждает, что в команде все равны. Однако и Вадим, и Димка всегда делают то, что он советует. Я бы сказала, приказывает, но ни один из мужчин с этим не согласится. Двое из гордости, а третий по причине, о которой я могу лишь догадываться. Лично я не сомневалась: Джокер умело манипулирует людьми. И, не желая быть марионеткой, покинула их компанию, едва мы довели расследование до конца. Оно оказалось успешным[1]. Злодей был наказан, а я стала обладательницей весьма кругленькой суммы. Жаль, что счастливей она меня не сделала. С Димкой за время следствия мы успели стать любовниками, весьма скоропалительно, что сейчас, похоже, мне и поставили в вину.

Я отодвинула пустой стакан и нахмурилась, глядя в сторону бергманского дома. Разумеется, я тут же решила: всем скверным в своей жизни я обязана Джокеру. И у меня были на это все основания. Например, подслушанный разговор. Джокер считает: Димка совершил большую ошибку, вообразив, будто мы предназначены друг другу по решению небес. То, что Бергман путает себя с Господом – не удивило, а вот то, что Димка его послушал… К сожалению, сомнений в этом почти не осталось. Его поведение тому свидетельство.

В настоящий момент я даже затруднялась определить, чего во мне больше: обиды на Димку или злости на Бергмана. Вроде бы обида должна зашкаливать: разбил сердце бедной девушке… Но если честно, стучало мое сердце по-прежнему исправно, и в ближайшее время кончина от безмерных страданий мне точно не грозит, а вот злость на Бергмана была безбрежной, словно океан. Особенно раздражало то обстоятельство, что он, пожалуй, был прав и мы с Соколовым действительно поспешили… Еще совсем недавно мне казалось, что я люблю его… Весьма подходящее слово «казалось». Так люблю или нет? В последний раз я влюблялась года два назад и так же ломала голову над этим вопросом. Может, я просто не способна любить по-настоящему? А может, «настоящее» бывает лишь в книжках, которые пишут для доверчивых дурочек охочие до денег дяденьки и тетеньки, столько же знающие о любви, как я о соколиной охоте. Эх, куда меня занесло… У Димки, возможно, есть свое видение ситуации. Он просто не из тех мужчин, которые звонят своей девушке двадцать раз на дню и клянутся в любви практически непрерывно. Я, кстати, особой сентиментальности и в себе не замечала.

Дело не в том, что он не звонил, дело в том, что не ушел вместе со мной от Бергмана. А почему он должен уйти? Работа ему нравится, к тому же она хорошо оплачивается.

Мои размышления прервала подошедшая официантка.

– Еще что-нибудь? – спросила с улыбкой.

– Спасибо. Принесите счет…

Расплатившись, я покинула кафе и, должно быть из чувства противоречия, направилась к той самой остановке, неподалеку от которой видела мертвую птицу. Женщины, как известно, существа загадочные. Я шла, стараясь не смотреть в сторону дома Бергмана, но он словно нарочно притягивал взгляд. Впрочем, там было на что посмотреть. Здание в городе известное. Прозвано «домом с чертями» из-за горгулий, которые с крыши пристально наблюдали за прохожими. Физиономии у них, скажем прямо, мерзкие, и с чертями их перепутать ничего не стоило. Бергман занимал весь дом, на первом этаже у него букинистический магазин, где много всяких диковин. Но самая большая диковина, конечно, он сам. Далеко не бедный парень, если смог купить этот купеческий особняк. Красавец. Торговец редкими книгами. Да еще и частный сыщик. Не слишком ли много для одного человека? Кто он на самом деле? Бизнесмен, ловкий

[1] Подробно об этом читайте в романе Т. Поляковой «Миссия свыше», издательство «Эксмо».

манипулятор или большой любитель загадок, которые не только разгадывает сам, но и обожает подкидывать другим? Он – Джокер, то есть может быть кем угодно.

Я почти поравнялась с остановкой, когда появилась машина городской службы уборки с надписью по борту «Я люблю свой город и забочусь о его чистоте». Из машины вышел мужчина в оранжевом жилете и, торопливо перебежав через дорогу, уверенно вступил на клумбу. Выдернул из земли колышек с привязанной к нему мертвой птицей, вернулся к машине и забросил ворону в кузов. Машина поехала себе дальше, а я вздохнула с заметным облегчением, только в тот момент по-настоящему осознав, как беспокоила меня несчастная птица.

– Мальчишки хулиганят, – сказала я, гоня прочь все тревоги, и поспешила к троллейбусу, который как раз тормозил возле остановки.

Вернувшись домой, я немного послонялась по квартире, понятия не имея, чем себя занять, а потом устроилась на диване, прихватив планшет. Минут через двадцать пришлось прекратить знакомство с увлекательным сериалом, потому что в дверь позвонили. Я пошла открывать, гадая, кто решил меня навестить. Почти наверняка это Варька, моя подруга, к сожалению, а может, и к счастью, единственная. Распахнула дверь и увидела Димку. На плече его болталась сумка с неизменным ноутбуком, а в руке он держал букет из мелких белых роз. Миленький такой букетик. Протянул его мне и спросил, вроде бы сомневаясь:

– Можно войти?

– Можно, – кивнула я, принимая букет.

Димка подумал и меня поцеловал. Скорее дружески, что вполне устроило. Страстный поцелуй сейчас, наверное, показался бы нелепым. Я отправилась ставить цветы в вазу, а Димка стал готовить кофе. В моей кухне он чувствовал себя как рыба в воде. Была в нем такая особенность: быстро обживаться, приспосабливать окружающее пространство под себя.

– Тебе привет от наших, – стоя ко мне спиной, весело произнес он. – Вадим сказал, что соскучился. Ты ему даже приснилась. В длинном платье, босиком и почему-то блондинкой. Интересовался, чего теперь следует ждать от жизни. Ты в вещие сны веришь?

– В его – нет, – ответила я. – С какой стати мне вдруг становиться блондинкой?

– И слава богу. Его сон мне совсем не нравится. Судя по тому, как он ухмылялся, там было продолжение. Эротическое.

– Не сомневаюсь. С его точки зрения женщины ни на что более не годятся.

– Ну, я-то так никогда не думал, – неожиданно серьезно произнес Дима, поставил передо мной чашку кофе и легко поцеловал меня в губы, а потом уставился в глаза. Вроде бы размышляя или пытаясь разгадать загадку, которой не было. Или просто ждал ответа. Я стала пить кофе, а Димка сел напротив, прихватив свою чашку. Я понемногу настроилась на него, очень рассчитывая, что он ничего не заметит. От него исходило ровное тепло, доброжелательность, внимание, забота… Он меня любил, я это чувствовала. Без страстей, ревности и беспокойства. А мне что, страсти нужны? Если отбросить глупые обиды, я сама относилась к нему точно так же. Любовь-доверие, любовь-дружба. Может, дружба и есть? Может, мы действительно поторопились и Максимильян прав? Воспоминание о Бергмане мгновенно вызвало досаду. «Очень удобно сваливать свои проблемы на кого-то другого», – мысленно проворчала я. А вслух сказала:

– Ворону убрали коммунальщики.

– Я обратил внимание, – кивнул Дима.

– А Джокер?

– Конечно. Он и позвонил в местный жэк.

– И только-то?

– А что еще? – вроде бы удивился Дима.

– Никаких идей, кому понадобилось подвешивать несчастную птицу?

– А, вот ты о чем. – Димка усмехнулся, откинулся на спинку стула и заговорил с иронией, точно сам не верил в свои слова: – Джокер считает, это мальчишки. Обычная хулиганская выходка.

Вот теперь он врал, причем даже не пытаясь придать своим словам убедительность.

– Джокеру видней, – хмыкнула я.

А он спросил серьезно:

– А ты так не думаешь?

Я равнодушно пожала плечами:

– С какой стати? Ворона не в моем дворе появилась.

– И не в его.

– Но под его окнами.

– Их там еще пять десятков, – пожал он плечами. – Максимильян просил тебя прийти завтра. Кажется, у нас появился клиент. – Дима улыбнулся, а я нервно хохотнула и спросила то, что спрашивать не следовало:

– Ты поэтому здесь?

– Я здесь, потому что скучал по тебе. А передать просьбу Джокера можно и по телефону.

– Я не приду, – покачала я головой.

– Почему?

– Мы ведь уже говорили об этом. Не вижу никакой пользы от своего присутствия в команде.

– Главное, чтобы мы ее видели. А мы видим.

– У меня ощущение, что я – лишняя в вашей мужской компании. – Тут я в досаде вновь покачала головой: – На самом деле я не доверяю Бергману. Он манипулирует людьми… Черт… если уж совсем начистоту, я считаю, в нем ты нуждаешься куда больше, чем во мне. И это бесит.

– Я не гей, – засмеялся Димка. – И Джокер тоже. Чего ж тебе беспокоиться?

Но я не приняла его шутки.

– Я не беспокоюсь. Просто у меня есть основание думать, что дружбу ты предпочтешь любви. Впрочем, в ее существовании я тоже не уверена.

– Ты хочешь знать, люблю ли я тебя? Я тебя люблю. – Он пожал плечами, точно я спросила величайшую глупость и он не знал, как на это реагировать, а у меня возникло желание метнуть в него чем-нибудь тяжелым. Или просто послать подальше. Потому что о любви, с моей точки зрения, так не говорят. А как говорят? Напряженно, с придыханием? Кстати, в своих словах он был абсолютно уверен. – Джокер считает, ты поторопилась, – спокойно продолжил Димка, а я стиснула зубы, чтобы и впрямь не заняться членовредительством. – Но из упрямства будешь стоять на своем. Тебе нужно время, чтобы успокоиться и разобраться в своих чувствах.

– Поэтому ты и улетел на Камчатку?

– Ага. Если честно, я терпеть не могу рыбалку. С Интернетом в тех местах, где я был, туго, в общем, я чуть с катушек не съехал, зато понял: ты мне очень дорога. И я хочу, чтобы ты была счастлива. Со мной или без меня, но счастлива.

– Рыцарство снова в моде? – съязвила я и недовольно нахмурилась, потому что он этой язвительности не заслужил.

– Я же Поэт, – засмеялся Дима. – Настоящий поэт – всегда рыцарь. Разве нет?

– Значит, мы сидим по своим жердочкам, разбираемся в чувствах и ждем отмашки от Джокера?

– Ты в него влюблена, да? – огорошил Димка.

– Спятил? – обиделась я.

– Нет. Ты видишь насквозь других, а себя?

– Насчет моей влюбленности – это что, тоже его идея? – проявила я живой интерес.

– Нет. Но это вполне логичное объяснение, почему тебя раздражает одно лишь упоминание его имени. Ты сделала ошибку, выбрав меня, а теперь злишься.

– Здорово. Теперь выходит, это я кругом виновата?

– Никто не виноват, – отмахнулся Димка, улыбаясь, как умел улыбаться лишь он.

Все дальнейшие возражения показались глупыми, а главное, абсолютно ненужными.

– Ладно. С завтрашнего дня начну разбираться в себе.

– Джокер ждет нас утром в девять. – Димка поднялся из-за стола и направился в прихожую, а я окончательно уверилась: только затем, чтобы сообщить это, он и пришел.

– Я послала его к черту вовсе не из-за каких-то там обид, – сказала я ему вдогонку. – И своего решения не изменю.

– Я все-таки надеюсь увидеть тебя завтра. – Димка махнул мне рукой на прощание и скрылся за дверью, а я досадливо чертыхнулась.

«Не мне тягаться с Джокером, – подумала с печалью. – Он успел так запудрить им мозги, что они и впрямь считают его каким-то гуру».

– «Джокер сказал…» – передразнила я.

И что это за идиотская идея по поводу моей влюбленности? Некоторое время я сидела, к самой себе прислушиваясь, точно надеясь обрести откровение. От ненависти до любви один шаг, если верить умникам. Нет у меня никакой ненависти. Я считаю его мутным типом, который с удовольствием морочит головы простачкам… Неправда, то есть не совсем так. Он мутный тип – кто ж спорит, но с бездной способностей и достоинств, которыми я, например, не обладаю. Человек, который любит говорить загадками, запутывая все еще больше. Убежденный, что встретились мы не случайно, и забывший поведать для чего. Утверждавший, что мы должны быть вместе, потому что видел в этом нашу миссию, но в чем она заключается, рассказать так и не пожелал. «Или сам не знал и просто интриговал», – подумала я с обидой.

Я вымыла чашки и убрала их в шкаф, дав себе слово, что ноги моей не будет в доме Бергмана.

Утром, около девяти, я отправилась к подруге в офис, где она работала, и по дороге купила мобильный. Встретиться с Варькой логичнее вечером, когда она работу закончит, но какая уж тут логика, если путь мой лежал как раз мимо дома Джокера. На этот раз я ехала на своей машине и старательно вытягивала шею, сама толком не зная, что надеялась увидеть. Может, джип Вадима или его самого? Или Димку? Этот на машине вряд ли поедет, предпочитает общественный транспорт или резвую рысь на своих двоих. В общем, что-то вроде этого. А увидела двух ворон на вбитом в землю колышке как раз посередине все той же клумбы. Теперь к палке была прибита перекладина, с двух концов которой и были привязаны мертвые птицы. Крылья сложены, клювы приоткрыты. Резко затормозив, я таращилась на них, вызвав гнев водителей. Мне сигналили, орали что-то, открыв окна, и нервно размахивали руками. А я оглядывалась. Клумба ближе всего к дому Бергмана. Если неизвестный хотел, чтобы Джокер видел птиц, лучшего места ему не найти. Дом стоит на площади, вблизи никаких других клумб, правда, есть пяток деревьев, но в их листве на птиц вряд ли обратят внимание. На противоположной стороне площади банк. Огромное здание круглой формы, прозванное в народе «шайбой». Левее – здание суда. Очень заманчиво решить, что его обитателям вороны и предназначались, да вот незадача: прямо перед судом распрекрасная клумба с петуниями, втыкай хоть десяток колышков. Остаются кинотеатр (там не только клумба, но и фонтан – тоже запросто можно птичек подвесить) и жилой многоквартирный дом-«сталинка». Вдруг вороны предназначались одному из жильцов? Слишком большое расстояние, велика вероятность, что птичек даже не заметят. С печалью глядя на ворон, я все больше убеждалась: это не глупая шутка и предназначался «подарок» Бергману.

Я перевела взгляд на его дом. Если честно, пришлось сделать большое усилие, чтобы немедленно туда не отправиться. Интересно, что он думает по поводу появления этих птиц? Что бы ни думал, вовсе не факт, что мне об этом скажет. Скорее предпочтет отшутиться.

Пока я торчала возле клумбы, мешая движению, поблизости появилась машина ЖКХ, дядька в оранжевом жилете подбежал к клумбе и попробовал вытащить вбитый в землю кол, удалось ему это не сразу. Довольно громко матерясь, он его все-таки выдернул и побрел к машине. Мертвые птицы бились об асфальт. Проводив их взглядом, я отправилась домой, забыв про Варвару. Точнее, о подруге я вспомнила, сворачивая во двор своего дома, досадливо скривилась, сама толком не зная, стоит к ней теперь ехать или нет, и тут увидела машину Бергмана.

Роскошный «Ягуар», припаркованный в трех шагах от моего подъезда, радовал взор, а вскоре, заметив мою машину, появился и сам Бергман, широко улыбнулся и помахал мне рукой. Восемь женщин из десяти наверняка бы сочли его неотразимым. Две оставшиеся, решив, что их собственные шансы привлечь его внимание равны нулю, проворчали бы «чересчур хорош». Подозреваю, что я отношусь как раз к этим двум. Чего бы в противном случае мне так раздражаться, видя это великолепие? Длинные угольно-черные волосы падали на плечи, на концах завиваясь кольцами. Они всегда были приблизительно одной длины, бог знает, как он этого достигал: стригся каждую неделю? Бергман носил очки прямоугольной формы без оправы, из-за стекол на мир смотрели пронзительные ярко-синие глаза с большим зрачком, оттого глаза при искусственном освещении казались темными: два бездонных омута, рождавшие в душе легкую оторопь. Нос с едва заметной горбинкой. Дополняли картину губы, которые романист непременно назвал бы чувственными, и мужественный подбородок. Они притягивали взгляд, отвлекая внимание от его глаз оборотня. Представляю, как глупо это звучит, но меня не покидало ощущение, будто в это тело, привлекательное во всех отношениях, вселился кто-то еще, чужой и страшный.

Приткнув машину на парковке, я направилась к подъезду. Бергман терпеливо ждал, вертя в руках ключи от машины, этот привычный для многих мужчин жест меня раздражал, словно был маскировкой, уводя взгляд от чего-то важного, что, по мнению Джокера, я не должна видеть.

– Привет, – произнес он.

Сегодня Миксимильян одет был демократично – джинсы и белоснежная футболка. Уверена, стоили они кучу денег, а с таким ростом и фигурой Бергман и в самом простецком наряде выглядел умопомрачительно.

– Привет, – ответила я, злясь, что вырядилась как на пляж: шорты, майка, на ногах босоножки без каблуков. Конец лета, а жара стоит июльская, что меня извиняет. Хотя сейчас я бы предпочла платье и туфли на каблуках: не могу сказать, что я комплексую из-за своего роста, но не отказалась бы быть немного выше. – Ты здесь какими судьбами? – поравнявшись с ним, задала я вопрос, очень стараясь, чтобы прозвучал он без раздражения или язвительности.

– На мое приглашение ты ответила отказом, вот и пришлось к тебе заглянуть. Ты не против?

– Заходи, если пришел.

Мы вместе поднялись в квартиру. Принадлежала она не мне, а моей подруге, которая оставила ее в мое полное распоряжение, и оглядывался Бергман с такой старательностью зря: во-первых, все здесь осталось неизменным с его последнего визита, а во-вторых, от меня тут мало что было.

– Эта квартира совсем тебе не подходит, – вынес он вердикт.

– По-моему, ты повторяешься.

– Разве? – Он сел в кресло, закинул ногу на ногу и уставился на меня. – Как отдохнула? Как мама?

– Отлично. Мама в порядке. Я должна спросить, как отдохнул ты?

Он покачал головой:

– Ты ничего не должна.

– Тогда я не буду спрашивать и на твои вопросы отвечать тоже.

– Я бы выпил кофе, – улыбнулся Бергман, мои слова, похоже, совсем его не задели.

– Послушай, это бессмысленно. Я не вернусь.

– А я этого и не хочу, – огорошил он.

– Что?

– С чего ты взяла, что это мое желание?

Тут я криво усмехнулась и даже выжала из себя смешок.

– Все предопределено свыше?

– Конечно.

– Я вся внимание, может, наконец просветишь, в чем состоит наша миссия?

– Парадокс в том, что ответ знаешь только ты. – Я присвистнула и нервно рассмеялась, а Бергман спокойно продолжил: – Я же говорил, ключевая фигура в колоде – девушка. Все остальные карты притягивает она, то есть ты.

– А в том, что я и есть та самая девушка, ты не сомневаешься?

– Не сомневаюсь. Впрочем, как и ты. Твоя нерешительность и беспокойство, даже неверие, вполне понятны. Никто не обещал, что миссия будет приятной. – Тут он развел руками и засмеялся, так что при желании его слова можно было принять за шутку. – Но если господь дал тебе необычные способности, логично предположить, что неспроста.

– Я не умею пользоваться его подарком. – В голосе против воли звучала горечь.

– Это не беда. Жаль, что ты отказываешься от моей помощи. Уверен, вместе мы могли бы… – Он внезапно замолчал, приглядываясь ко мне. – Ты знаешь, что совершила ошибку, выбрав Поэта, но злишься отчего-то на меня. Дуешься, как маленькая девочка.

– Маленькой девочкой я была довольно давно. А злюсь, потому что ты пытаешься контролировать мою жизнь.

– Контролировать? Я не вмешался вовремя. И вот результат. Димка страдает от неразделенной любви… а ты отлыниваешь от работы.

– Страдает от неразделенной любви? – переспросила я, решив, что ослышалась, но он игнорировал вопрос.

– К слову сказать, с Димкой подобная неприятность уже случалась, он ее пережил, переживет и сейчас. В общем, я не вижу причины, по которой ты могла бы всерьез злиться на меня, и уж точно не стану принимать это близко к сердцу. Так что давай-ка приступать к работе, тем более что у нас клиент появился. Я перенес встречу на вечер, чтобы ты могла присутствовать.

– Тронута, но… – Джокер смотрел насмешливо, а я покачала головой, злясь на себя, на него, на весь мир в придачу, и, наверное, в отместку спросила: – Что, по-твоему, означают мертвые птицы?

– Мертвые птицы? – вроде бы удивился он.

– Вороны. Кто-то второй день исправно вывешивает их под твоими окнами.

– Уверена, что под моими? – спросил он неожиданно серьезно.

А я кивнула:

– Уверена.

– Вообще-то я тоже уверен, – в ответ кивнул он. – Это вестник.

– Кто? – растерялась я.

– В каждой истории непременно должен быть вестник. С него-то история, как правило, и начинается. Герой получает некое послание, оно разрушает его привычный мир и заставляет отправиться в странствие.

– И, разумеется, его сопровождают верные соратники, – хмыкнула я.

– Само собой, куда же без них.

– А есть идеи, кто такой этот вестник?

– Пока никаких. Он может быть положительным персонажем и не очень. Сомневаюсь, что хороший человек убьет несчастную птицу, то есть теперь уже трех, так что есть все основания предполагать, что мы имеем дело…

– С психом, – подсказала я. – Только псих станет развешивать убитых птиц под окнами.

– Птицы – ерунда. Куда важнее, что появится там в следующий раз.

– Ты видел его? – спросила я серьезно.

– Кого? – удивился Бергман.

– Этого типа.

– Конечно, нет. Вряд ли он хотел, чтобы его заметили.

– Подожди. Вчера ты увидел птицу, заподозрил, что это послание и адресовано оно тебе, и… тебе не пришло в голову немного понаблюдать из своего окна?

– Сторожить ночь напролет типа, которого ты сама же назвала психом? По ночам я сплю, если нет более увлекательного занятия. Это во-первых, а во-вторых, я же сказал, куда любопытнее, что появится под моими окнами в следующий раз.

– Три птицы.

– Не лишено логики. Но я бы на его месте не стал затягивать с коронной сценой. В таких вещах главное не переборщить, иначе на смену драматизму придет скука.

– А ты не сам их повесил?

– По-твоему мнению, я похож на психа?

– Когда начинаешь болтать о вестниках – да.

– Хорошо. Это просто вороны. Стоит ли о них говорить?

Я недовольно покачала головой, тягаться с ним в словесных баталиях – не самая лучшая затея.

– Ты знаешь, кто это сделал? Или догадываешься?

– Ни то ни другое. Возможно, затея с птичками вовсе не стоит моего внимания.

– Сомневаюсь, – серьезно сказала я.

– Вот как? – Он вроде бы заинтересовался. – Ты почувствовала угрозу?

– Да.

– Твои ощущения нетрудно будет проверить. Поживем – увидим. – Он хлопнул ладонями по коленям, точно подводя итог разговору, и поднялся. – Уверен, кофе у тебя отличный. Сбор в семнадцать тридцать.

– Выследить этого типа совсем не сложно, раз уж он болтается под твоими окнами.

– Вот и займись, – равнодушно пожал он плечами.

– Непременно, – разозлилась я. – Этой ночью залягу у клумбы.

– В этом случае он вряд ли появится. А наблюдать за происходящим из окна моего дома куда проще.

– С какой стати? Послание адресовано тебе.

– Но тебя очень занимает. Надеюсь еще раз увидеть тебя сегодня.

Он уже был возле входной двери, послал мне воздушный поцелуй и удалился, а я зло выругалась. Хочешь узнать разгадку, займись этим сама. Кстати, вполне здравая позиция. А ему самому это совсем не интересно? Или отгадку он уже знает?

Я устроилась на диване, взяв со стола планшет, и вбила в поисковик слово «вестник», вроде бы даже не осознавая, что делаю. Прошла по одной из ссылок. «…герою бросает вызов некая сила. Эту функцию выполняет вестник, или глашатай, возвещая, что грядут большие перемены…». Очень мило, похоже, мы с Джокером на досуге заходим на одни и те же сайты. Вслед за этим пришло раздражение: он просто морочит мне голову всей этой галиматьей.

Но вороны ведь откуда-то появились. Болтаться темной ночью возле клумбы небезопасно. К тому же неизвестный может обратить на это внимание и уйти в тень, а когда мне надоест не спать по ночам, вновь появится. Может, я просто ищу повод вернуться в команду? Не ударив в грязь лицом? Не потому, мол, вернулась, что очень этого хотела, а потому, что за вас, дураков, боялась. Я отложила планшет, уставилась в потолок и постаралась восстановить душевное равновесие. У продвинутых граждан это называется медитировать.

Должно быть, медитация прошла успешно, я благополучно уснула, а проснувшись, увидела, что комната погрузилась в полумрак, и испуганно взглянула на часы. Половина пятого. В следующие полминуты я осознала две вещи: за окном дождь, оттого в квартире темно, а я очень испугалась, что проспала и опоздала на встречу, а это значит: кончай валять дурака и отправляйся к Джокеру. Уйти от него ты всегда успеешь (мне хотелось в это верить), а история с воронами задела за живое, и с ней надо разобраться.

Быстро приняв душ, я надела костюм, легкий и вместе с тем достаточно строгий, чтобы произвести нужное впечатление на клиента, побросала в сумку кое-какие вещи, которые могли бы понадобиться, и, прихватив зонт, припустилась к своей машине.

Дождь перешел в ливень, и я успела насквозь промокнуть, зонт в этом смысле помог мало. Завела мотор и немного понаблюдала за работой дворников. Потоки воды били в лобовое стекло и неслись по асфальту, весело пузырясь.

Когда я подъехала к воротам, во дворе уже стояли джип Вадима и машина Димки, старенькая и изрядно помятая. Из-за ливня он решил, против обыкновения, ею воспользоваться. Я посигналила, и автоматические ворота открылись. На этот раз я обошлась без зонта и, высоко поднимая ноги, в рекордный срок достигла двери, предупредительно незапертой. Поднялась по лестнице, стряхивая с волос капли дождя, и еще внизу услышала голоса, что послужило лишним подтверждением: все уже в сборе.

Возле кабинета я на мгновение замерла, чтобы перевести дух, так что вопрос Вадима прозвучал вполне отчетливо:

– Как тебе удалось ее уговорить?

– На самом деле мне не пришлось ее уговаривать.

Понятно, что речь обо мне. Очень захотелось развернуться и сбежать отсюда. Довольно глупо, учитывая, что о моем появлении им уже известно. В общем, я вошла, нацепив на физиономию улыбку. Джокер стоял возле окна, выходящего на ту самую клумбу. Он был в костюме из темно-серого шелка и синей рубашке без галстука, зато с запонками. Запонки украшали странные черные камни, говорю странные, потому что ни на один из известных мне камней они не походили. Должно быть, они были для Джокера чем-то вроде талисмана, он неизменно надевал их на встречу с клиентами. На мой прямой вопрос он, по обыкновению, ответил туманно: к запонкам действительно испытывает слабость, а камни – странники вроде него. Оттого они так настроены друг на друга. И, видя ухмылку на моем лице, добавил:

– Это метеорит. Небесный странник.

– Так ты у нас с Альфы Центавра? – тут же съязвила я, язвительность Джокер оставил без внимания, а вопрос, что это за камни, так и остался открытым.

Димка сидел сбоку от огромного антикварного стола, уткнувшись в ноутбук, который держал на коленях. Услышав, что я вошла, положил ноутбук на стол и поднялся с намерением идти мне навстречу, но его опередил Волошин. Здоровяк с насмешливой улыбкой и роскошным загаром. На нем были джинсы и рубашка-поло. На шее шнурок с солдатским медальоном, он для него как крест для христиан.

– Привет, красавица, – пропел Вадим, распахивая объятия. – Господи, как же хорошато… Я, кстати, соскучился.

Я уткнулась носом в его грудь, а он наклонился и поцеловал меня в губы, должно быть, чтобы подразнить Димку. Тот, решив, что топтаться по соседству в ожидании своей очереди смысла нет, вернулся к столу, сложил руки на груди и на нас уставился.

Вадим между тем перевел взгляд на дорожную сумку в моей руке и не замедлил спросить:

– Что там?

– Вещи. Я тут останусь на некоторое время.

Трое мужчин переглянулись: Вадим с недоумением, Димка с насмешкой, а Джокер с нейтральной улыбкой.

– У нашей девушки возник интерес к орнитологии, – заметил Джокер.

– Это что за хрень? – нахмурился Вадим.

– Это наука о птицах, – сообщил Димка.

А Волошин кивнул:

– Думаешь, дохлые птички появились неспроста?

– Об этом лучше спросить хозяина дома.

– Так это его идея поселить тебя здесь? – насмешливо поинтересовался Димка.

– Будем считать это коллективным решением. – Я постаралась, чтобы мой ответ прозвучал шутливо, но добилась лишь одного: ухмылка на лице Димы стала шире.

– Если тебе нужен помощник, я всегда готов, – заявил Вадим. – Проведем незабываемую ночь по соседству с клумбой и выясним, кто птичек уморил.

Бергман взглянул на часы, которые украшали его запястье, стильные и, безусловно, дорогие, и хлопнул в ладоши, призывая нас к порядку.

– Господа, через пять минут появится наш потенциальный клиент… Кстати, тебе лучше переодеться, – кивнул он Вадиму.

Волошин тут же ткнул пальцем в Димку, который был, по обыкновению, одет в стиле «бедного студента»: бриджи цвета хаки и оранжевую футболку с растянутым воротом.

– Только мне, а ему не надо?

– Я вполне укладываюсь в представление среднестатистического россиянина о том, как должен выглядеть хакер. А ты сейчас больше похож на дворовую шпану, чем на Воина, – ответил Дима.

– Тебе видней, – хмыкнул Волошин и удалился, а через пару минут вновь вошел в комнату, успев сменить рубашку на бледно-голубую футболку, поверх которой надел льняной пиджак.

– Солидно и без излишеств, – весело прокомментировал его преображение Димка, а Бергман удовлетворенно кивнул.

То, что в доме нашлись вещи Волошина, ничуть не удивило. Временами и он, и Димка жили здесь по нескольку дней.

– Как я тебе? – задал вопрос Вадим, адресовался он мне.

Я закатила глаза и прошептала:

– Ты неотразим.

– Слышал? – хохотнул он, поворачиваясь к Димке. – Не одного тебя девушки любят.

– Сказать по правде, меня лишь одна девушка интересует, – ответил тот, и, несмотря на усмешку, прозвучало это серьезно.

Бергман вроде бы собирался что-то ответить, но тут раздался звонок в дверь, Джокер подошел к переговорному устройству, которое находилось в кабинете, и произнес:

– Поднимайтесь на второй этаж.

Вскоре за дверью послышались шаги и в комнату друг за другом вошли двое мужчин. Один был высокий, плотный, в темном костюме. Поначалу я решила, что ему лет пятьдесят, но, приглядевшись, поняла: он гораздо старше. Седые волосы коротко подстрижены, здоровый цвет лица и румянец свидетельствовали о том, что мужчина немало времени проводит на све-

жем воздухе. Второй был полной его противоположностью: лет двадцати пяти, среднего роста, худой и весь какой-то нескладный. Нос уточкой, тусклый взгляд, впечатление такое, что его регулярно недокармливали, хотя скорее всего парень просто из тех, кто всем радостям на природе предпочитает компьютер и безвылазно торчит в своей квартире.

– Добрый день, господа, – заговорил старший. – Спасибо, что согласились встретиться.

Подошедший Бергман пожал руку сначала ему, а потом и заморышу, как я мысленно окрестила второго мужчину, и представил прибывших:

– Аллилуев Сергей Борисович. – Старший с достоинством поклонился и даже каблуками щелкнул. – Вербицкий Станислав Янович.

– Можно просто Стас, – пробормотал «заморыш».

– А это, – продолжил Бергман, делая широкий жест рукой, – мои компаньоны. Вадим Волошин. – Воин в долгу не остался и тоже каблуками щелкнул. – Дмитрий Соколов и Елена Кузнецова.

– Не ожидал встретить женщину – частного сыщика, – расплылся в улыбке Аллилуев.

– Я все больше отчетами занимаюсь, – скромно ответила я.

Гости устроились в креслах, Бергман за столом, Димка так и сидел на прежнем месте, Вадим облюбовал диван, а я предпочла стул возле окна и уже пару раз успела бросить взгляд на клумбу. Петунии цвели, никаких кольев и мертвых птиц.

– Кофе? – тоном заботливого хозяина предложил Бергман.

Гости разом отказались:

– Нет, нет.

Оба вдруг почувствовали неловкость и уставились друг на друга, точно ища поддержки.

Аллилуев откашлялся и неуверенно начал:

– Вас рекомендовали как отличных профессионалов…

– Комплименты всегда приятны, но эту часть можно опустить, – сказал Бергман, чем еще больше смутил гостей.

– Тогда я сразу перехожу к делу. – Аллилуев вновь откашлялся. – Чуть больше месяца назад погиб мой близкий друг. Лотман Натан Давыдович. Заслуженный художник России… Гениальный художник, я бы сказал… и замечательный человек. Уверен, вы слышали об этой трагедии.

Чуть больше месяца назад мы были заняты розыском серийного убийцы, и гибель Лотмана для меня осталась незамеченной, хотя фамилию я, безусловно, слышала, а теперь вроде бы даже начала что-то припоминать.

– Мы бы предпочли услышать обо всем от вас, – сказал Бергман, и Сергей Борисович согласно кивнул:

– Да, конечно… Это было чудовищное убийство, от которого я до сих пор не могу прийти в себя. Мой друг был застрелен в собственном доме, вместе с ним погибли его сестра и дочь, и только внучке чудом удалось выжить. В нее тоже стреляли. Она все еще в больнице, но врачи уже не опасаются за ее жизнь. Из дома пропала крупная сумма денег. Грабитель был в маске. И похоже, что у него есть все шансы избежать наказания. Насколько мне известно, у следствия до сих пор никаких зацепок.

– Уверен, они делают все возможное, – пожал Бергман плечами. – Лотман – человек известный.

– Вот именно, – горячо перебил Аллилуев. – И я… я не верю, что это были грабители.

– И мы опасаемся за жизнь Нади, – вступил в разговор «заморыш».

– Вы хотите сказать, что версия убийства во время ограбления не кажется вам убедительной? Можно узнать почему? – Обращался Бергман исключительно к Аллилуеву, решив оставить слова Вербицкого без внимания. До поры до времени, я полагаю.

– Помилуйте, – всплеснул руками Сергей Борисович. – Что это за грабители, которые расстреливают всю семью? Допустим, они боялись, что Натан окажет сопротивление. Допустим. Но женщин-то зачем убивать? И несчастную девочку, которой в тот день исполнилось восемнадцать. Преступник вломился в дом, когда семья находилась за праздничным столом, отмечая день рождения Наденьки. Скромно, в кругу самых близких. Это произошло в четверг, а на субботу был снят зал в гостиничном комплексе «Витязь». Пригласили сорок человек, для внучки Натан ничего не жалел и подарок ей сделал царский: автомобиль. Надя была на седьмом небе от счастья… Она очень любила деда… Так вот, в тот вечер они ужинали в тесном семейном кругу. Из гостей была только сестра Натана – Ядвига, у нее квартира в городе, дочь и внучка жили в его доме. Должно быть, обратив внимание на подозрительный шум, Натан решил проверить, в чем дело, вышел из столовой и был застрелен. Допустим, грабитель его опасался, не хотел лишних проблем. Но что он делает потом? Методично расстреливает насмерть перепуганных женщин. Зачем? Ведь грабитель в маске, а женщины в таком состоянии, что вряд ли могли оказать сопротивление. Но их расстреляли. Я настаиваю, это была именно казнь. Никто из семьи не должен был остаться в живых. Оттого я и решил обратиться к вам. Полиция идет не по тому пути, вот и нет никаких результатов.

– Но вы ведь делились с ними своими соображениями?

– Конечно. Единственное, чего я смог добиться: они предоставили Надюше охрану.

– Но теперь ее сняли, – вновь вмешался Вербицкий. – Поэтому мы считаем: она в большой опасности.

– Несчастная девочка, – покивал Сергей Борисович. – Такое пережить… Боюсь, что на этом ее беды не закончатся. Конечно, мы о ней позаботимся, но главное – как можно скорее найти этого негодяя. Пока он разгуливает на свободе…

– Ваши доводы меня убедили, – кивнул Бергман. – И у кого, по-вашему, был повод безжалостно расправиться со всей семьей?

– Ну… – Аллилуев пожал плечами. – Мне сложно ответить на этот вопрос. Но кое-какие предположения, конечно, есть… Мотивом могла послужить элементарная зависть. Натан – человек успешный, его картины висят в лучших музеях мира, а в их среде такого не прощают. Вы не представляете, какой травле он подвергался…

– А расстреливать успешных людей в их среде тоже принято? – хмыкнул Волошин, чем немедленно привлек к себе внимание.

– Я не думаю, что кто-то из его коллег сам, своими руками… – довольно путано начал Сергей Борисович, с полминуты разглядывая Воина. – Но поспособствовать могли. Например, сообщив кому надо о деньгах. И посоветовав избавиться от хозяев. Думаете, такое невозможно?

Бергман кивнул, вроде бы соглашаясь, и спросил:

– Откуда крупная сумма в доме? Или для Лотмана это норма?

– Нет, конечно, нет. Он состоятельный человек, но деньги предпочитал хранить в банке. У Натана богатейшая коллекция живописи. Как любой коллекционер, он что-то покупает, что-то продает… Накануне он продал картину, кого-то из русских художников. Не самого знаменитого…

– Но на кучу бабок она потянула, – влез Волошин.

– Вот именно, – кивнул Аллилуев.

– А почему вдруг наличными?

Этот вопрос Сергея Борисовича смутил.

– Не знаю. Возможно, так было удобней покупателю.

– Или он светиться не хотел, – добавил Вадим.

А вслед за ним и Димка вставил слово:

– Или налог платить не желал.

Аллилуев вдруг занервничал:

– Послушайте, я знал Натана двадцать лет и…

– Мои друзья правы, – мягко перебил его Бергман. – В ходе расследования может выясниться нечто такое, что покажется вам весьма неприятным. Это первое. И второе, если вы хотите, чтобы мы нашли убийцу, вам следует быть предельно откровенным.

– Поверьте, о его делах я мало что знаю. Я человек простой, и вся эта живопись… Вот рыбалка – это мое. И Натан был отменный рыбак. На этой почве мы и познакомились. У него свой бизнес, у меня – свой. Друг другу в карман не заглядывали. Он был моим другом и хорошим человеком, что бы вы там ни раскопали, а его убийца должен сидеть в тюрьме.

– Странно, что забрали только деньги, – решила я вступить в разговор. – Если в доме полно ценных картин.

– Их еще надо продать, – пожал плечами Бергман. – Деньги куда надежнее. Допустим, зависть, – вновь повернулся он к Аллилуеву. – Что еще?

Тот ответил с некоторой неохотой:

– Возможно, месть. У Натана была женщина. Они недавно расстались. Стервозная дамочка, которая надеялась все прибрать к рукам, выйдя за него замуж. Но Натан со всей откровенностью заявил, что этого не будет.

– Он в принципе не склонен был жениться или дама его чем-то не устраивала?

– Его жена умерла больше двадцати лет назад. Сильная женщина, очень ему помогала… Натан говорил, он никогда бы не стал тем, кем стал, не будь ее рядом. Она была и другом, и компаньоном, секретарем, матерью, если угодно. Она всю свою жизнь положила ради его успеха. Но… знаете, чрезмерная забота иногда тяготит. В общем, после ее смерти Натан решил, что больше никогда не женится. Подружек у него было предостаточно, а хозяйство вела дочь. Даже выйдя замуж, она продолжала жить с отцом. В общем, никаких неудобств от своей холостяцкой жизни он не испытывал. Так вот, эта дама, о которой я говорю…

– Имя у нее есть? – невежливо перебил Вадим.

– Разумеется, – с достоинством ответил Аллилуев. – Черновцова Галина Андреевна. Она куратор нашего музея. Выпросила у Натана несколько картин, с этого начались их отношения.

– Для себя выпросила? – уточнил Бергман.

– Для музея. Но все равно это отлично характеризует человека: стремление сделать себе имя за чужой счет.

– У вас с ней отношения, как я понимаю, не сложились?

– Как только она влюбила в себя Натана, первым делом постаралась избавиться от всех его друзей. Я имею в виду, наши встречи она не приветствовала и всячески настраивала Натана против меня. Конечно, он ее не слушал, но некоторое время мы встречались исключительно на нейтральной территории. К тому же у этой особы криминальные связи: ее брат сидит в тюрьме. Сами понимаете, от таких людей можно ждать чего угодно. Разрыв с Натаном она воспринимала очень болезненно, он ведь не только известный художник, близкое знакомство с которым, безусловно, помогало ей продвинуться по карьерной лестнице, он еще и материально поддерживал ее. Плюс женская гордость. И обида. Я не могу утверждать, но… странно, что следователи не приняли все это к сведению. По-моему, она первая в списке подозреваемых. Ну и еще…. – Тут Аллилуев вздохнул и отвел взгляд, вроде бы усомнившись, стоит ли продолжать. – У Натана был приятель. Точнее, Натан считал его близким другом. Большой любитель живописи: Шацкий Лев Валерьянович, вы наверняка о нем слышали: у него галерея в центре города, прямо напротив собора. – Бергман кивнул, а Сергей Борисович продолжил заметно увереннее: – Натан завещал ему свои картины. Не знаю, с чего вдруг такое счастье, но я не раз слышал, как Натан говорил: «Вот помру, все это, Лева, тебе достанется. Бабам моим картины ни к чему, а денег я им и так дополна оставлю». А буквально накануне убийства

они поссорились. Я чисто случайно стал свидетелем. Мы с Натаном собирались встретиться, он просил заехать за ним в галерею Шацкого. Я приехал чуть раньше, вот и решил зайти внутрь, соприкоснуться, так сказать, с искусством. А они ругались в кабинете Льва, и Натан обозвал его жуликом, так и сказал: «худшего жулика я не встречал», Лев вроде бы оправдывался, Натан вышел от него сам не свой. Я пробовал расспросить, что случилось, но он только отмахнулся. Теперь я думаю, после этой ссоры Натан мог переписать завещание. Или Лев мог подумать, что он поступит именно так.

– И убил и Лотмана, и его семью? – криво усмехнулся Вадим.

– А что? – возмутился Аллилуев. – Каждая его картина в среднем стоит десять тысяч долларов, их около пятидесяти штук. Неплохая сумма, скажу я вам.

– Отлично, у нас уже трое подозреваемых, – ласково пропел Бергман, желая успокоить клиента. – Давайте вернемся к тому роковому вечеру. Грабитель расстрелял четырех человек и никто из соседей ничего не видел и не слышал?

– Вы что, не видели в новостях его дом? – нахмурился Сергей Борисович. – Если нет, съездите, взгляните, и все поймете. Вроде бы в городе, но от жилья далеко. Участок огромный. Да там хоть весь вечер стреляй…

– А кто обнаружил убитых? Домработница?

– Полицию вызвала Надя, – ответил Аллилуев, а мы с сомнением на него уставились. – Она была тяжело ранена. Убийца стрелял в сердце, но попал в плечо. Девочка потеряла сознание, а он, видимо, решил, что она умерла. Вся грудь залита кровью… Но Надя вскоре очнулась, убийцы в доме уже не было, по крайней мере в столовой. Девочка доползла до телефона и позвонила в полицию. Когда они приехали, она была без сознания, в критическом состоянии от потери крови, но ее, слава богу, удалось спасти. Если бы она не вызвала полицию, там было бы не три трупа, а четыре. До прихода домработницы Надя вряд ли бы дотянула.

– Ей грозит опасность, – открыл рот «заморыш». – Я в этом убежден.

– А вы, собственно, ей кто? – бесцеремонно спросил Вадим.

– Никто, – смутился Вербицкий и густо покраснел. – Я хотел сказать, что не являюсь родственником или близким другом, но… Моя сестра училась с Надей в одном классе. Они дружили, то есть и сейчас дружат. Надя бывала у нас. И… она осталась совсем одна, наш долг поддержать ее. Разве нет? – Он обвел нас взглядом, я кивнула, соглашаясь, остальные оставили вопрос без внимания, и он торопливо продолжил: – Если честно, я считаю, искать убийцу должны полицейские. Но в сложившихся обстоятельствах… Надю выписывают из больницы. Она пока будет жить у нас, так мы решили, но… Я не уверен, что в нашем доме находиться для нее безопасно. Как и в любом другом. И я пришел к вам… Вы ведь можете организовать ее охрану?

– Говорю тебе еще раз, – разозлился Аллилуев. – Надо бороться с причиной, а не со следствием. Необходимо как можно скорее найти убийцу и отправить его в тюрьму. Тогда Наденька будет в полной безопасности.

– Я бы предпочел… – нерешительно возразил Вербицкий, но Сергей Борисович его уже не слушал.

– Вы можете назвать любую сумму, – глядя на Бергмана, заявил он. – В разумных пределах, конечно. Чем скорее вы раскроете преступление, тем выше будет гонорар и премия. Скажем, пять тысяч долларов на каждого? – Он победно оглядел всех присутствующих, но быстро сник, не обнаружив алчного блеска в устремленных на него глазах. Вадим вообще взирал с откровенной скукой.

– Все это мы обсудим, – сложив руки домиком, с постной миной заявил Бергман. – Нам нужно время навести справки и решить, можем ли мы вам помочь. После принятия принципиального решения поговорим о гонораре.

Я не сомневалась, что Джокер вытянет из Аллилуева много больше, Сергей Борисович, кстати, наверняка подумал о том же, потому что физиономия приняла кислое выражение.

– Очень на вас рассчитываю. – Аллилуев поднялся и, не зная толком, что делать, потоптался на месте, затем нагнулся к Бергману и пожал его руку. – Что ж… Мне позвонить самому или дождаться вашего звонка?

– Я свяжусь с вами. Скажем, завтра к обеду.

Аллилуев направился к двери, Вербицкий, который сидел погруженный в размышления, вдруг вскочил и тоже метнулся к Бергману.

– Максимильян Эдмундович, поймите, речь идет о жизни юной девушки. Вы должны помочь…

– С вами я тоже свяжусь, – ответил Бергман, Стас потерянно кивнул и с унылым видом присоединился к Аллилуеву.

Дверь за ними закрылась, мы немного посидели в молчании, прислушиваясь к их шагам. Внизу хлопнула дверь, и Воин заговорил, скривившись:

– А деньги у этого типа есть? Как-то он мне не показался…

– Есть, – кивнул Бергман. – Дядя второй год на пенсии, передал дела своему сыну, но дивиденды получает исправно. Бизнес прибыльный, по старой памяти его зовут «королем бензоколонок».

– Уже лучше. А этот заморыш, у него с деньгами как?

– Вербицкий работает в фирме дяди. Отец его умер несколько лет назад, вроде бы оставив неплохое наследство.

– А чего ж он на дядю горбатится?

– Должен человек где-то работать? – пожал плечами Дима, уткнувшись в компьютер. – Я тут, пока их слушал, сделал подборку статей по этому делу. Убийство, как вы понимаете, громкое, и писали о нем много. Недели три. Сейчас, похоже, оно мало кого интересует.

– И ментов – меньше всех, – хмыкнул Вадим.

– Версий предлагалось много, – продолжил Дима. – Но в итоге остались две: либо это ограбление, шли за деньгами и случайно убили хозяев, либо убийство, замаскированное под ограбление. Весьма туманные намеки, что дело не в Лотмане, а в его семье. Просмотреть все как следует я не успел, предлагаю каждому сделать это самостоятельно, ссылки я вам уже отправил.

– Что ж, займемся предварительным сбором сведений и заодно подумаем, стоит ли нам браться за это дело, – произнес Бергман, давая понять, что разговор, собственно, на этом и закончен.

– Вытряси из него деньжат побольше, – засмеялся Вадим. – И лично я на все согласен.

– Опять поиздержался? – усмехнулся Дима.

– Еще бы. Денег, как известно, много не бывает. Особенно у меня. Девчонке своей обещал тачку купить.

– Опрометчиво.

– У тебя есть сомнения? – обратился Бергман к Диме, имея в виду предстоящий вердикт.

– Не то чтобы сомнения. Дело резонансное, мы будем у следаков под ногами путаться, а они этого не любят. И вместо помощи и поддержки ожидаются большие трудности.

– Хорошо. Завтра встретимся и все обсудим. А пока изучаем материалы.

Димка, сунув ноутбук в холщовую сумку, с которой не расставался, направился к двери, а Вадим спросил, обращаясь ко мне:

– Хочешь мороженое?

– Что? – не поняла я.

– Предлагаю культурно провести досуг, недогадливая ты моя.

– С чего вдруг?

– Говорил же, соскучился.

– Ладно, пошли есть мороженое, – кивнула я, решив, что все это неспроста.

Димка, внимательно прислушиваясь к нашему диалогу, спросил:

– Меня возьмете?

– Третий лишний, – усмехнулся Вадим, но тут же добавил: – Ладно, пошли.

Кивнув Бергману на прощание, мы втроем покинули кабинет. Джокер к нашему вояжу отнесся с безразличием, но я тут же задалась вопросом: а не было ли оно напускным? Никто из нас не попросил его присоединиться к компании. Должно это его задеть или нет? Пока мы спускались по лестнице, я продолжала над этим размышлять и, наконец, сказала:

– Наверное, надо было пригласить Бергмана.

– Куда? – не понял Вадим.

– С нами.

Мужчины переглянулись, на лицах обоих появилось одно и то же выражение: большая печаль по поводу чужой наивности.

– Не беспокойся о нем, – заметил Димка.

Волошин высказался куда конкретней:

– Джокеру на фиг не надо таскаться с нами. Сейчас его волнует только одно: как обломать старикана и заполучить козырный аванс. Господи, пошли нам побольше денег, как остро нуждающимся.

– Ты их жрешь, что ли?! – не выдержал Димка.

– В каком-то смысле, да. Вчера ужинал в ресторане, моя девчонка заказала лобстера. Знаешь, сколько с меня слупили за эту членистоногую сволочь? А я и так почти на мели.

– Ешь дома.

– Не могу. У меня тяга к прекрасному.

Они продолжали в том же духе, пока я, потеряв терпение, не спросила:

– Куда мы идем?

От дома Бергмана мы успели удалиться на приличное расстояние, кафе вокруг было множество, но мужчины на них внимания не обращали. Вопрос вернул их к действительности.

– Сюда? – указал Дима на ближайшее кафе, и мы направились к стеклянным дверям.

После дождя было довольно прохладно, но мы все равно устроились на открытой веранде.

– Как тебе эти двое? – спросил меня Дима, лишь только мы сделали заказ.

– Оба очень обеспокоены. Впрочем, понять это можно и без моих суперспособностей.

– Надеюсь, он возьмется за это дело, – вздохнул Вадим.

А я усмехнулась:

– Он? Ты имеешь в виду Джокера? Разве не мы все решаем?

– Не цепляйся к словам, ешь мороженое и будь хорошей девочкой.

Димка достал ноутбук и, пока я ела мороженое, а Вадим пил кофе, прогулялся по ссылкам, цитируя выдержки из статей об убийстве Лотмана, показавшиеся ему интересными. Меня же в тот момент куда больше интересовало другое.

– Бергман сказал, что вороны под окном – это послание.

– Ему видней, – равнодушно отозвался Вадим.

– Не каждый день находишь убитых ворон, которых кто-то специально подвесил, – обиделась я.

– Может, он сам. А что? Он хотел, чтобы ты вернулась, и ты вернулась. Даже собираешься жить в его доме.

– Не морочь ей голову, – вмешался Димка. – Я думаю, если это послание, то адресовано оно лично Джокеру, по крайней мере он так считает. Вот и не хочет, чтобы мы вмешивались.

– Он не возражал против того, что я понаблюдаю за клумбой.

– Куда проще установить камеру.

В самом деле. Странно, что я об этом не подумала. Еще более странно, что об этом не подумал Бергман.

– Эти птицы мне покоя не дают, – с обидой фыркнула я.

Мы просидели в кафе больше часа, Димка рассказал о своей поездке, Вадим похвалился своей. Мне порадовать было нечем, а потом я и вовсе спросила невпопад:

– Ты говорил с ним по поводу камеры?

– С Джокером? Нет. На самом деле там нет подходящего места, где ее легко повесить. Клумба находится на значительном расстоянии от дома. Самое надежное – повесить камеру на фонарном столбе, возле остановки. Сделать это надо, не привлекая внимания. Ночью, а еще лучше рано утром. Но любитель ворон ее легко обнаружит, если он не болван, конечно.

Я начинаю жалеть, что не родился вороной, – съязвил Вадим. – Только они тебя и занимают.

Вскоре мы простились, вернувшись к дому Бергмана. Мужчины укатили на своих машинах, а я заглянула в букинистический магазин, который находился на первом этаже здания и принадлежал Максимильяну. Надо сказать, магазин всякий раз производил на меня впечатление, хотя пора было привыкнуть ко всем диковинам, что выставлены здесь. Астролябии, макеты старинных парусников, глобусы, на которых Россия называлась «Московия», а Антарктида и вовсе отсутствовала. Ну и, конечно, книги. Их было так много, что я начинала думать: и ста жизней не хватит, чтобы все прочитать.

Хозяйничал здесь Василий Кузьмич, милейший старикан фантастической начитанности и такой же фантастической памяти. Наплыва посетителей не наблюдалось, Кузьмич сидел в кресле возле окна, на коленях у него лежала книга, и он что-то разглядывал в ней, вооружившись лупой.

– Леночка, – радостно произнес он, увидев меня. – Какой приятный сюрприз.

– Что это за книга? – поздоровавшись, проявила я интерес.

– В своем роде уникальная, – тут же увлеченно заговорил он. – Вы знаете, что у нашего хозяина прекрасное собрание книг, посвященное картам? В основном, конечно, гаданию, значению карт, их комбинаций. Вот эта издана в Баварии в позапрошлом веке, посвящена картам Таро…

Я заглянула в книгу и сказала:

– Жаль, что я не читаю по-немецки.

– Могу предложить вам книгу на русском, она менее авторитетна, но весьма и весьма любопытна.

Василий Кузьмич направился к одному из стеллажей и вернулся с книжкой, которая легко умещалась на моей ладони, но выглядела увесистой.

– Вот, пожалуйста. Хозяин не так давно ее просматривал и отозвался положительно. А он очень сведущ в подобных вопросах.

– Можно взять ее на пару дней?

– Разумеется. Думаю, хозяин не стал бы возражать.

– Тем более что в ближайшие дни я буду жить в его доме. Что ж, спасибо.

Я еще немного побродила вдоль стеллажей и направилась к двери, которая вела к лестнице на второй этаж. Поднялась, прошла в кабинет Максимильяна, но его там не застала. Эта часть дома предназначалась для встреч с клиентами, здесь же Бергман держал особенно дорогие книги, в хранилище вела тяжелая дубовая дверь, и попасть туда было совсем не просто.

Я нажала кнопку «вызов» переговорного устройства, из динамика вскоре раздался голос Лионеллы, домработницы Бергмана. Сама она называла себя домоправительницей, тетка занятная, я пыталась с ней подружиться с целью получения важных сведений о Бергмане, но пока безрезультатно. Она отличалась исключительным немногословием.

– Лионелла Викторовна, это я, – заголосила я в ответ.

Дверь открылась, и я вошла в просторный холл. Лионелла стояла, вооружившись пылесосом.

– Хотите, я вам помогу? – с ходу предложила я из уважения к ее немалому возрасту.

– Уверена, у вас найдутся дела куда более важные, – ответила она с достоинством. – Хозяин предупредил, что вы здесь останетесь, комната для вас готова. Ужин через час пятнадцать минут. Не опаздывайте. И не забудьте: в этом доме к ужину выходят прилично одетыми.

Она включила пылесос, а мне не осталось ничего другого, кроме как идти себе дальше. И дом, и его обитатели вызывали у меня жгучий интерес. Домик строил тот еще затейник, одни башни чего стоят. Меня так и подмывало хорошенько тут все облазить. Но Лионелла была начеку и пару раз уже застукала меня в комнатах, где, по ее мнению, делать мне нечего, ядовито заявив: «хозяин не хранит здесь свои тайны». То, что и Кузьмич, и Лионелла называли Бергмана «хозяин», смешило и злило одновременно. Просто Средневековье какое-то. Хотя было множество других поводов удивляться местным порядкам. Будь я девушкой впечатлительной, непременно бы решила, что в подвале одной из башен стоит гроб, куда Бергман и Лионелла укладываются по очереди, а милейший Василий Кузьмич превращается в кота и ночи напролет шляется по крышам. Разумеется, все это глупости, но дом производил странное впечатление, я ясно ощущала присутствие чего-то загадочного и враждебного и, торопливо проходя длинным коридором, вдруг оборачивалась, чувствуя чей-то настойчивый взгляд. Конечно, за спиной никого не оказывалось, но тревогу это лишь усиливало.

В прошлый раз я жила в мансарде, но сегодня мне отвели комнату на третьем этаже, где были личные покои Бергмана. Вскоре стало ясно почему. Единственное окно комнаты выходило на площадь, клумбу отсюда прекрасно видно, в чем я и смогла убедиться, отдернув занавески. Постояла немного, приоткрыла окно, решив не включать кондиционер, и стала разбирать сумку, ее предупредительно доставили сюда. Это заняло всего несколько минут. До ужина еще полно времени, и я устроилась на кровати с книгой, которую дал мне Василий Кузьмич.

Карты никогда меня не интересовали, и к гаданию я относилась со здоровым скептицизмом. Лично я узнать свое будущее не спешу, какой от этого прок, если меняется не только твоя жизнь, но и ты сам? И то, что тебя радует или страшит сейчас, может стать своей полной противоположностью в будущем. Помнится, моей тетке цыганка нагадала, что она переживет мужа на двадцать лет. Тетка мужа любила без памяти, и от такого предсказания крыша у нее малость съехала. От каждого чиха благоверного она едва в обморок не падала, таскала его по врачам и постоянно твердила, что дня без него прожить не сможет. За полгода она своими страхами довела себя до того, что пришлось пить успокоительное. В сорок пять лет ее муженек встретил любовь всей своей жизни, само собой, на двадцать лет его моложе, и принялся делить с теткой нажитое непосильным трудом, та в большом гневе на изменника кричала: «Лучше б ты умер!», но он здравствует до сих пор, оттяпав у тетки половину бизнеса, а та ждет его кончины со дня на день, но сомнительно, что скоро дождется.

В общем, я перелистывала страницы увесистого томика с ухмылкой, постигая премудрости, в них заключенные. Явная польза от всего этого точно была: время до ужина пролетело незаметно.

На ужин я отправилась в джинсах и футболке, из-за довольно глупого желания досадить Бергману. Его порядки – это его порядки, а у меня они свои. Старалась я совершенно напрасно. В огромной столовой, которая всегда ассоциировалась у меня с замком людоеда, стол был накрыт на одного человека. Лионелла, бросив недовольный взгляд на мои джинсы, соизволила пояснить:

– У хозяина срочное дело. Он задержится и просил его не ждать.

– Я могла бы поужинать в кухне, – сказала я, но ответа не удостоилась.

В общем, ужинать пришлось в одиночестве, гадая, куда унесло Бергмана, касается это наших дел или у него есть свои? Вспомнив о делах, я, вернувшись к себе, устроилась возле окна с планшетом и прошлась по всем ссылкам, присланным Димой, делая пометки в тех местах, что показались важными.

Судя по статьям в прессе и комментариям, данным правоохранительными органами, версия ограбления была основной. В связи с этим возникли вопросы к галеристу Шацкому, который, собственно, и нашел покупателя. Его ни в чем не обвиняли, но намеки делали весьма прозрачные. Шацкий отвечал, что о сделке знали все его сотрудники, а учитывая их родственников и друзей – круг осведомленных лиц значительно расширяется. То, что расплачивались наличными, тоже выглядело для многих подозрительно, а о том, что деньги Лотман оставит дома, а не отвезет сразу в банк, вряд ли знал кто-то, кроме самых близких. Учитывая, что вся семья была расстреляна, на ум приходил все тот же галерист. И наш возможный клиент Аллилуев. Я поискала о нем сведения в Интернете и теперь склонялась к мысли: если обращение к нам – это просто хитрый ход и он замешан в преступлении, то вовсе не деньги были тому причиной. С деньгами у него как раз все в порядке. Он переживал из-за смерти друга, я это чувствовала, за время разговора у меня ни разу не возникло ощущения, что он лжет или что-то недоговаривает. Своим ощущениям я склонна верить, хоть и не на все сто процентов, делая скидку на то, что ошибка всегда возможна. Но одно чувство запросто можно спутать с другим, точнее, не сразу понять его причину и сделать не те выводы. Сам процесс, по моему мнению, был сродни толкованию карт Таро, о которых я только что читала. Одна неверная предпосылка, и все переворачивается с ног на голову. Однако, учитывая материальное благополучие Аллилуева, отсутствие явного мотива убийства и его обращение к нам, я была уверена, что он невинен если и не аки агнец, то близко к тому. Заморыш очень беспокоился, и беспокойство мгновенно нарастало, лишь только речь заходила о Надежде. Ясно, что парень в нее влюблен, до убийцы ему дела мало, о чем он заявил вполне откровенно, но безопасность девушки зависит от того, как скоро он окажется в тюрьме, поэтому Вербицкий Аллилуева и поддержал. А пока хотел бы видеть возле девушки надежную охрану. Так что и его я из числа подозреваемых исключила.

О самом преступлении журналистам писать особо было нечего, то есть все подробно и в деталях описали в самых первых статьях, оттого они переключились на биографию убитых и ближайшее окружение, чем, безусловно, нам помогли. Рыскать по городу в поисках сведений не придется, подробные жизнеописания уже есть, а также намеки на возможные мотивы и прочее в том же духе.

Часам к двенадцати у меня уже голова пухла от различных сведений, которые ни на шаг не приблизили разгадку: кто же все-таки расстрелял трех человек и почему. Все это время я не забывала и в окно поглядывать, но там не происходило ничего заслуживающего внимания.

В двенадцать я отложила планшет и поднялась с кресла, потянулась с хрустом, и, честно говоря, начала поддаваться соблазну переместиться на кровать. Джокер, пожалуй, прав: вряд ли охотник уже сегодня передаст очередное послание. Тут я подумала вот о чем: а что, собственно, я стану делать, увидев его? Брошусь на улицу с воплем «Постойте, товарищ!»? Остановить его и задать вопросы не получится, но по крайней мере я буду знать, как он выглядит, постараюсь сделать фотографию, а если повезет и он на машине, возникнет шанс узнать, кто он такой.

Я постояла немного в раздумье и направилась к двери. Открыла ее и прислушалась. В доме тишина. Интересно, Бергман вернулся? Я направилась по коридору и вскоре увидела, что дверь в его кабинет приоткрыта, точно он ждал кого-то и нарочно оставил ее в таком положении. В кабинете горел свет, я заглянула и увидела Бергмана, сидевшего за столом. В этот кабинет, который находился в башне, в отличие от того, что был на втором этаже, клиентов никогда не пускали. Подозреваю, здесь вообще редко кто бывал, не считая нас и, само собой, Лионеллы. О личной жизни Максимильяна я ничего не знала, но, по утверждению Воина, была

она весьма насыщенной, что не удивляло: Максимильян у нас красавец, умница да еще со средствами. Кто ж из женщин перед таким устоит? Но ни с кем из счастливиц мне встретиться не довелось.

– Заходи, – позвал Максимильян.

Я вошла и по привычке огляделась. Если столовая навевала думы о людоеде, а «официальный» кабинет походил на логово средневекового алхимика, то здесь все было скромнее. Хотя на отделку комнаты не поскупились. Резные деревянные панели, книжные шкафы до потолка и массивный стол, на котором сейчас стояла уже знакомая мне резная шкатулка и были разложены карты. Весьма странная колода, где у дамы червей было мое лицо, бубновый валет – с физиономией Димки, а крестовый король – наш Воин. Лицо Джокера с ярко-алыми щеками и подведенными глазами могло принадлежать Максимильяну, а могло и нет. Даже здесь выходило, что тип он мутный, вызывавший бесконечные сомнения. Откуда у него эти карты, он не объяснил. Сказал, что однажды обнаружил их в магазине, и никто из персонала не помнил, чтобы их кто-то приносил, выходит, появились они как бы сами собой. В эту байку я не верила, но карты, безусловно, были старыми, это я поняла, лишь только взяла их в руки. И как в этом случае на них оказались наши физиономии? Можно было бы стащить одну из карт и, обратившись к специалисту, провести настоящую экспертизу, но делать этого я не стала. Мои ощущения могут и подвести, а вот если эксперты все подтвердят, как прикажете поступить в этом случае? Поверить в переселение душ и прочую ерундистику? Куда спокойнее решить, что Джокер – умелый фальсификатор и просто пудрит нам мозги.

– Что нашептывают небеса? – спросила я, устраиваясь в кресле напротив.

– Обещают испытания, преодоление трудностей и скорое богатство.

– Это хорошо, не забудь Вадима порадовать.

– Карты обещают, что под ударом окажется наш Поэт. Не интересуешься?

– Картами – нет. Поживем – увидим, кто где окажется.

– Кстати, наши предки считали, у каждой старшей карты есть конкретный исторический персонаж. Король крестей – это Александр Македонский. А кто, по-твоему, дама червей?

– У меня нет настроения участвовать в викторине.

Джокер пожал плечами и замолчал, а я спросила нетерпеливо:

– Кто?

– Елена Прекрасная.

Это имя вызвало странное волнение, оно, безусловно, что-то для меня значило. А что, черт возьми, может значить для девицы двадцать первого века прекраснейшая из женщин в доисторические времена, которой скорее всего и на свете-то никогда не было. Помнится, после фильма «Троя» я взялась читать Гомера, но дальше третьей песни не продвинулась.

Джокер поднялся, достал книгу с одной из полок и вернулся с ней к столу, полистал и пододвинул ко мне.

– Самое древнее изображение Елены Прекрасной.

Я посмотрела равнодушно, но взгляд на иллюстрации все-таки задержала. Невероятно, но женщина на картине была похожа на меня. За исключением волос. У нее они златокудрые, а у меня каштановые, хотя на солнце скорее рыжие. «Не верь ему», – услышала я точно со стороны.

– Художник, надеюсь, был с ней хорошо знаком? – заметила я с усмешкой.

– Вряд ли, – засмеялся Джокер. – Но совпадение любопытное.

– Есть вещи куда более любопытные, – кивнула я.

– Например?

– Например, твой дом забит барахлом под самую крышу. Любой старьевщик, заглянув сюда, лишится чувств от восторга. И при этом нет ничего, что можно связать лично с тобой.

Каких-нибудь памятных вещиц, дипломчика в рамке или хотя бы фотографий, твоих или родителей.

– Я не сентиментален, – вновь засмеялся он.

«Или прячешь под грудой барахла что-то очень важное. Жаль, не могу понять что», – неприязненно подумала я.

– Расскажи о своих родителях.

– Я рано осиротел. Воспитывали меня чужие люди, и об этом времени у меня не самые приятные воспоминания. Поэтому я не люблю о них говорить.

– Врешь, – уверенно сказала я, а он согласно кивнул.

– Ты совершенствуешься. Правде ты все равно не поверишь.

– Я – Елена Прекрасная, а ты падший ангел. Воин в этом почти уверен.

– Ты умная девочка и должна знать, для того чтобы объяснить весьма сложные вещи доступным языком, приходится прибегать к иносказаниям.

– Разумеется, – усмехнулась я и подошла к окну. Окна комнаты выходили как на улицу, так и во двор, но в отличие от кабинета, так сказать, официального, отсюда интересующую меня клумбу не увидишь.

– Караулить возле окна – довольно примитивный способ разобраться в происходящем, – насмешливо заметил Максимильян, обратив внимание на мою тягу к окнам.

– Само собой, карты куда надежнее.

– Если бы ты доверилась мне… – начал он и замолчал.

– Продолжай, – попросила я.

Он засмеялся:

– Например, ты смогла бы очень быстро развить свой дар. – Он вроде бы ответил, а чувство было такое, что от ответа ловко уклонился.

– Развить дар? – переспросила я, чтобы заставить его продолжить.

– Он у тебя, безусловно, есть, но, по твоим собственным словам, ты не умеешь им управлять. Возьми свою карту, – совсем другим тоном произнес он, и я точно под гипнозом протянула руку к даме червей, впрочем, почему «точно», уверена, это и был гипноз. Едва карта оказалась в моей ладони, по телу прошла дрожь, сердце забилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди, и стало ясно: еще мгновение и я, чего доброго, лишусь сознания. Я испуганно отбросила карту, она упала на стол крест-накрест на карту Джокера.

– Со мной у тебя эти штучки не пройдут, – сказала я со злостью.

– Нас ждут испытания, – глядя на карты, серьезно заявил он и вдруг опять засмеялся: – Но все непременно закончится хорошо.

Кабинет я покидала в большой спешке, мысленно матерясь. «Он гипнотизер, – думала я. – Все это не более чем фокус». Но в душу уже закралась тоска, предчувствие не беды даже, а чего-то такого, что невозможно выразить словами и что, возможно, по этой самой причине пугает еще больше.

Вернувшись к себе, я устроилась возле окна. Свет фонаря на остановке освещал клумбу, цветочки радовали глаз. Я пялилась на нее примерно с полчаса, после чего стало ясно: еще немного и я усну, сидя в кресле. Я перенесла настольную лампу ближе к окну и прихватила книгу. Свет хоть и не яркий, но на него, безусловно, вестник обратит внимание. Тут я усмехнулась и даже головой покачала: я начинаю говорить как Бергман. Если этот тип, как бы его ни называли, заметит свет в окне, он вряд ли станет совершать что-то противоправное. Интересно, привязать мертвых птиц к колышку – это противоправное действие? Если подобным образом развлекаться в центре города, то это вполне подходит под статью «хулиганство». Свет горит не только в моей комнате, но и в коридоре, где тоже есть окно, выходящее на площадь, и в кабинете Бергмана. Я не слышала его шагов, значит, Максимильян все еще там, то есть свет горит в нескольких окнах, и мое окно в этом смысле ничего не решает. Интересно, вестнику

известно расположение комнат? Тут я вновь покачала головой и подумала: что, если сейчас появится ватага мальчишек с воронами в руках. Все-таки подобные выходки как раз в их духе. Максимильян в этом случае будет выглядеть полным идиотом.

– Вестник, – передразнила я и вновь принялась листать книгу, рассудив так: если через каждый прочитанный абзац поглядывать в окно, есть шанс, что я «вестника» не провороню и не усну. Не самое мудрое решение, но другого не нашлось.

Я продолжила постигать премудрости карт и вскоре, глядя в окно, задумалась. Безусловно, Бергман руководствовался какой-то системой, мне пока малопонятной, возможно, он сам ее и выдумал, но все толкования, которые я находила в книге, странным образом укладывались в нашу историю. Крестовый король – военный человек, соотносится с личностью Александра Македонского: великий полководец, Воин. Валет бубен – юноша, доверенное лицо, друг, мечтательная натура, Поэт. В сочетании друг с другом обещают верное получение денег и бесполезную трату их на удовольствия. Лучше и не скажешь. Деньги заколачивают бешеные и легко их спускают. Интересно, Бергман подбирал команду по таким вот признакам? Дама червей – карта женщины, которая гадает, то есть я сама, если это я раскладываю колоду. По словам Бергмана, все вращается вокруг девушки, и моя карта центральная. Она также означает интуицию, любовь и необходимость выбора.

Я торопливо поднялась, отыскала авторучку и блокнот в сумке и по памяти записала комбинацию карт, которую увидела на столе Джокера. На то, чтобы дать подробное толкование, у меня ушло больше двух часов, а вышло следующее: получение известия, предупреждение о грозящей опасности, человек из прошлого, друг или враг, возможно, бывший друг, а теперь враг, не сильна я пока в трактовках. Одно зло приводит к другому, малая беда – к большой. Под ударом окажется бубновый валет, есть риск его потерять. Только от Джокера зависит, как повернутся дела, точнее, от того, кем выступит сам Джокер, захочет он спасти наш хрупкий мир или, напротив, обострит ситуацию до предела. То есть от этого зависел исход событий до тех пор, пока моя карта не легла сверху. А теперь выходило следующее: женская интуиция способна разрушить все его планы, а заодно и планы тех, кто игру затеял.

Все это так меня увлекло, что про клумбу я забыла, а вспомнив, чертыхнулась и бросилась к окну. Цветочки явились взору в своем обычном виде, что вызвало вздох облегчения. «Вот так людям крышу и сносит», – с усмешкой подумала я. Все начинается с невинного увлечения, а заканчивается паранойей. Может, Бергман и верит во всю эту хрень, но я-то делать этого не собираюсь. Да, некоторое сходство обескураживает, но это не более чем совпадение.

Чтобы избавить себя от сомнений, которые явились как по команде, я сунула книжку в шкаф, решив завтра вернуть ее Василию Кузьмичу. А что, если старик в сговоре с Бергманом и нарочно мне ее подсунул? Еще немного, и я стану буйным параноиком, который подозревает абсолютно всех. Я выключила свет и устроилась на подоконнике, не сводя глаз с клумбы и изо всех сил стараясь не уснуть. Мысли, само собой, вертелись вокруг Бергмана и его карт, что очень нервировало. Я пробовала читать стихи вслух, но через строчку сбивалась из-за навязчивых мыслей. Интересно, чем занят Бергман? Занял позицию возле окна, хоть и не пожелал признаться, что не хотел бы пропустить появление новых птичек, если таковое произойдет. Продолжает сидеть в кабинете? Или ушел спать, а я, занятая толкованием карт, его уход проворонила?

Открыв окно и высунувшись почти наполовину, я смогла убедиться, что свет в кабинете горит. Спустилась на пол и босиком направилась к двери, приоткрыв ее, выждала с минуту и, стараясь двигаться бесшумно, пошла по коридору. Свет здесь так и остался включен, что упрощало мне жизнь (не налетишь впотьмах на консоли с вазами, бюстами великих и прочим старьем). Дверь в кабинет была открыта, а кабинет пуст, то есть за столом никто не сидел, и по углам Бергман не прятался, по крайней мере со своего места я его не видела. Вряд ли он забыл выключить свет, значит, ушел ненадолго. Вернется и застанет меня за столь небла-

говидным занятием. Ступая на носках, я ретировалась к ближайшей двери, но она оказалась заперта. В прошлое мое водворение в этом доме запертые двери здорово меня возбуждали. Чтобы фантазии мои не особо разыгрались, Лионелла одну из дверей открыла. За ней оказалась комната, ничем не примечательная. В остальных побывать не удалось, однако вряд ли бы и они особо порадовали.

Я толкнула следующую дверь и убедилась, что она тоже заперта. Что все-таки за странная манера держать их закрытыми? Предположим, ими не пользуются, предположим, даже сочли, что их лучше держать на замке, чтобы, например, от сквозняка не открылись, но ключ можно в замке оставить, хотя бы для того, чтобы не потерялся и был под рукой. Ключа, конечно, не было. Придется возвращаться в свою комнату, если я не хочу, чтобы Бергман меня здесь застукал.

И тут я услышала, как он кашлянул. Негромко, но в тишине звук был отлично слышен, чтобы не вызывать сомнений. И доносился он из кабинета. В некотором недоумении я направилась туда. Осторожно заглянула и увидела, что Бергман стоит у стены напротив. Просто издевательство какое-то… Не мог он там оказаться, если только речь не идет о телепортации. Я так разозлилась, что уже собралась войти и поинтересоваться, где он прятался и зачем взрослому мужику все эти штучки, но тут заметила, что одна из деревянных панелей, которыми был отделан его кабинет, примыкает к стене неплотно. Черт, это замаскированная дверь… Подобную в его доме я уже видела, но тогда решила, что это аттракцион, рассчитанный на клиентов, чтобы произвести впечатление. Сюда клиентов точно не пускали. В подтверждение моей догадки Бергман коснулся рукой панели, и она с легким щелчком встала на место. Я отпрянула, боясь, что он догадается о моем присутствии. Бергман подошел к столу и выключил настольную лампу, следовательно, собирался покинуть кабинет. Я на цыпочках, но с максимальным ускорением прошмыгнула в свою комнату, дверь плотно закрывать не стала, чтобы Джокер не услышал щелчка, и теперь ждала, когда он к себе отправится.

Дверь кабинета хлопнула, а звук шагов ясно давал понять, что движется Максимильян в моем направлении. Я бросилась к подоконнику, только успела сесть, как Бергман, постучав, заглянул в комнату.

– Все еще на страже?

– Как видишь.

– Может, выпьем кофе?

– Неплохо бы. Но боюсь проворонить злодея.

– Вестник – не обязательно злодей.

– Да, а кто?

– Просто функция. Любой, кто способен доставить послание, – пожал Максимильян плечами. – Не разочаровывайся, если под окнами вдруг появится какой-нибудь бомж…

– Но он ведь должен знать, кто его послал?

– И это совсем необязательно.

– По этой причине слежка тебя совсем не занимает? – догадалась я.

Он вновь пожал плечами.

– Так как насчет кофе?

– Пожалуй, откажусь.

– Тогда спокойной ночи. И удачи, – добавил он и плотно закрыл дверь, оставив меня гадать: он появился, потому что заподозрил, что я за ним шпионю, или в самом деле решил справиться о моих успехах, перед тем как лечь спать.

Я была уверена: он застукал меня возле двери. В общем-то, особого повода прятаться у меня не было, однако очень не хотелось, чтобы Бергман догадался: мне известно о потайной комнате. Ну и домик. Не зря его прозвали «дом с чертями», хотя тайная комната – еще не повод подозревать хозяина во всех смертных грехах. Василий Кузьмич, да и сам Бергман, говорили

не раз, что в доме есть очень редкие книги, хранят их не в магазине, а на втором этаже. Возможно, и в личных покоях. Книг здесь действительно тьма тьмущая. И в тайной комнате могут быть наиболее ценные экземпляры. Предосторожность, кстати, не лишняя. Кроме книг, здесь полно всякого антиквариата. Магазин открылся пять лет назад, годом раньше Бергман купил этот особняк. Все это я знала точно, а вот о том, где он жил до этого времени и чем занимался, понятия не имею. И если честно, в комнату с замаскированным входом попасть очень хотелось. Просто чтобы убедиться: там нет ничего особенного…

Хотя мысль о том, что в комнате можно найти разгадки многочисленных тайн Бергмана, само собой, весьма волновала. Что нормальный человек стал бы прятать? – увещевала я себя, но, должно быть, «нормальным» Бергмана все же не считала. Тайн у него точно пруд пруди. И дом этот он купил не просто так, не зря у меня здесь возникает чувство, что я в покоях Синей Бороды. Кстати, в этой сказке любопытные девицы очень быстро становились очередной тайной хозяина. Само собой, меня это не остановило. Более того, желание заглянуть в комнату лишь усилилось, я даже подумала: а не попробовать ли прямо сейчас? Потопталась возле двери, прислушиваясь. А если Бергман только этого и ждет? Застукает меня за неблаговидным занятием, вряд ли на пирожки отправит, ведь Димке и Вадиму мое исчезновение надо как-то объяснить, но наблюдать насмешливую улыбку на его физиономии придется. Дождаться более подходящего момента, когда хозяин отсутствует, а Лионелла занята уборкой? Сомнительно, что мне повезет и они одновременно покинут дом, у меня вообще такое впечатление, что старуха здесь безвылазно обретается.

Я вернулась к окну, посмотрела на цветочки, все больше соглашаясь с тем, что моя затея ни к чему не приведет. Теперь я была даже на алкаша согласна или подростков-хулиганов. Но клумба даже их не интересовала. Из упрямства я придвинула кресло вплотную к окну и, борясь со сном всеми доступными способами, просидела до самого утра.

В шесть, когда на улице показались троллейбусы и редкие прохожие, я решила, что вестник уже не появится, и отправилась спать, констатировав, что ночь прошла впустую.

Проснулась я от шумно работающего под дверью пылесоса, протерла глаза, взглянула на часы и подскочила как ошпаренная: половина двенадцатого. Хотя чему удивляться, если легла я в шесть.

Быстро приняв душ, я вышла из комнаты, Лионелла, выключив пылесос, сообщила:

– Ваш завтрак на кухне. Мужчины в кабинете хозяина, на втором этаже.

Решив, что завтрак подождет, я отправилась в кабинет.

– Твоя задача – охрана девчонки, – говорил Бергман, обращаясь к Вадиму в тот момент, когда я вошла.

Воин был в джинсах и темной рубашке, сидел, откинувшись на спинку кресла, Димка, все в тех же шортах и футболке, что и накануне, пил воду из бутылки, которую при моем появлении поставил на пол.

– Надеюсь, ничего интересного я не проспала?

– Мы беремся за это дело, – улыбнулся Дима. – Воин на мели, Максимильян умирает от скуки, а мне все равно.

– Серьезный повод, – кивнула я. Можно было съязвить: «А меня, конечно, не спрашивают?», но это показалось глупым.

– На самом деле я тоже нуждаюсь в деньгах, – улыбнулся Бергман. – Предложили редкую книгу…

– Что-нибудь о картах?

– Нет, об оборотнях. Кстати, тебе известно, что у некоторых народов оборотень мог стать не только медведем, кошкой или волком, но и вороном.

– Да хоть ежиком. Максимильян, ты ходячая энциклопедия, а мне диплом достался кровью и по́том, знания улетучиваются, не успев усвоиться…

– Не наговаривай на себя, – серьезно заявил Вадим, хотя я вроде бы шутила. – Ты умная девушка. А насчет ворон… думаешь, кто-то охотится на оборотней? И это должно нас беспокоить? – вопрос адресовался Бергману.

Я нахмурилась и спросила:

– Надеюсь, ты ни в кого превращаться не собираешься?

– Только в полнолуние, милая, – ответил Вадим и поскреб здоровущей ладонью грудь, а я некстати подумала, что временами он похож на медведя. – А вот молодые волки всегда готовы. – Тут он ткнул пальцем в Димку, и тот с серьезной миной кивнул, точно соглашаясь.

– Вам не приходило в голову, что мои мозги могут и не выдержать? – разозлилась я.

– В самом деле, – вмешался Бергман. – Что о вас девушка подумает.

Но вместо благодарности нарвался на ехидный вопрос:

– А Максимильян кем становится? Спрашиваю не из простого любопытства, полнолуние со дня на день, вдруг столкнусь на лестнице…

Вадим и Димка переглянулись и уставились на Бергмана, ожидая ответа.

– Есть какие-нибудь догадки? – спросил меня Димка, ничего не дождавшись.

– Есть. Библейский змей-искуситель.

Мужчины вновь переглянулись, и Вадим, сурово нахмурясь, буркнул:

– Я же говорил, она нас видит насквозь… – После чего все трое весело заржали, а я почувствовала себя полной идиоткой за свой внезапный испуг. Пусть всего лишь на мгновение, но я поверила, что говорят они серьезно. Не пора ли обратиться к психиатру?

– Спасибо за блестящую характеристику, дорогая… – с кривой ухмылкой заявил Максимильян. – А сейчас, если не возражаете, перейдем к делу. Мы решили за него взяться. Твое мнение?

Я пожала плечами:

– Будем считать, решение принято большинством голосов.

– В таком случае займемся возможными версиями…

Я села возле окна, не удержалась и взглянула на клумбу. Подъехала поливальная машина, и теперь саму клумбу было видно плохо, а я в досаде за бессонную ночь мысленно буркнула: «Век бы ее не видеть». И постаралась сосредоточиться на разговоре, в результате которого решено было взять за основу версию ограбления, но и прочими не пренебрегать.

– Воин и Девушка отправляются к Наде. Приглядись к девчонке, – обращаясь ко мне, произнес Бергман. – Вполне возможно, она знает куда больше.

– Вот посмотрите, – сказал Дима и положил на стол увеличенные фотографии. Это были снимки с места убийства. Наличие фотографий, так же как и копий протоколов, меня не удивило. Не знаю, каким образом Бергману удалось их заполучить, но удалось.

На первой фотографии женщина сидела, откинувшись на спинку стула. Лицо ее полностью скрывали длинные темные волосы. На второй тоже женщина, с короткой стрижкой, голова на столе, лицом вниз, белая скатерть залита кровью, в тарелке, что стоит перед ней, тоже кровь. Я невольно поежилась. На третьей мужчина, лежит на полу, раскинув руки. Убит двумя выстрелами: в грудь и в голову. На четвертом снимке лишь контуры тела, обведенные мелом.

– И что не так? – нахмурился Вадим.

– Лотмана застрелили, как только он оказался в холле. Грабитель врывается в комнату, убивает женщин. Надя в этот момент находилась в туалете. Услышав выстрелы, выскочила в коридор. Здесь киллер в нее и выстрелил. Она пришла в себя, смогла доползти до телефона и позвонить, а потом потеряла сознание. Так?

– Ну…

– На фото видна трубка… лежала у девчонки под рукой, а Надю обнаружили примерно метрах в двух от консоли, где стоит база.

– Ну и что? Она пыталась добраться до двери…

– С трубкой в руке?

– Почему нет?

– Из протокола следует, что Надежда лежала на спине, лицом к стене. Либо она смогла подняться, а потом упала, либо…

– Что?

– Не знаю.

– Дай-ка еще раз взглянуть. – Вадим некоторое время рассматривал снимок, а потом стал перечитывать протокол.

Пока Воин читал, почесывая затылок в больших сомнениях, Димка и Максимильян молча наблюдали за ним.

– Я бы сказал, что девушка находилась в таком положении сразу после выстрела. От удара в плечо отлетела в сторону и упала. – Тут он усмехнулся. – Потом очнулась, доползла до телефона, позвонила и вернулась в первоначальное положение.

– Эта первая странность, – кивнул Бергман. – Уверен, будут и еще. Звонки в полиции записываются. Этот точно сохранили. Надо раздобыть копию, а пока я бы уделил самое пристальное внимание галеристу и бывшей подруге.

– Женщины в гневе страшны, – кивнул Вадим. – А подруга должна была разгневаться.

В этот момент я вновь посмотрела в окно. Поливальная машина исчезла, я уже готова была отвернуться, но тут мое внимание внезапно привлек предмет, лежащий прямо посредине клумбы.

– Там что-то есть, – пробормотала я.

– Опять вороны? – усмехнулся Вадим.

– Нет. Похоже на мешок для мусора.

Вадим, а вслед за ним и Дима подошли к окну, Бергмана происходящее, казалось, вовсе не волновало.

– Мусорный пакет, – произнес Вадим. – Только очень большой. Что за идиот выбросил его на клумбу? – Он вдруг нахмурился, пробормотал: – Твою мать… – И бросился к двери.

Мы за ним, на этот раз Бергман к нам присоединился. Правда, обычным шагом и с недовольной миной.

Пришлось ждать зеленого сигнала светофора, и это позволило Бергману нас догнать. Никто не заговаривал о том, что ожидал увидеть, но напряжение нарастало. Похоже, что, кроме нас, на мешок, оказавшийся на клумбе, внимания никто не обращал. Впрочем, с тротуара его не особенно разглядишь, и из машин, возможно, тоже.

Наконец-то зажегся «зеленый», мы пересекли проезжую часть и подошли к клумбе. Прохожие начали поглядывать на нее с недоумением.

– Он решил не мелочиться и прислал сразу десяток ворон, – сказал Димка, видимо, с намерением разрядить обстановку.

Вадим надорвал мешок и грязно выругался.

– Звони в полицию, – обращаясь ко мне, произнес Дима.

– Что там? – задала я вопрос, хотя ответ уже знала.

– Труп.

Мужчину лет тридцати задушили, после чего убийца упаковал его тело в большой пакет для мусора. Убийство произошло как минимум сутки назад, тело успело закостенеть, и приехавшим полицейским пришлось укладывать его на носилки в скрюченном виде.

Мы подробно рассказали следователям, как из окна заметили мешок и прибежали сюда. Бергман, кстати, от встречи с полицейскими уклонился, еще до их приезда вернувшись в дом. Наш рассказ у сотрудников правоохранительных органов вызвал настороженность. Не тот факт, что мы заметили что-то из окна, а то, что мы втроем (о Бергмане мы не упоминали)

припустились к клумбе, чтобы заглянуть в мешок. Пришлось рассказать о воронах, которые накануне появились на этой самой клумбе.

Про ворон рассказывала я, и следователь, записывавший мои показания, смотрел с таким выражением на физиономии, точно намеревался спросить: «Вы что обычно пьете?»

Тут к нему подошел один из коллег и что-то зашептал на ухо.

– А вы убитого раньше видели? – спросил он, обращаясь ко мне.

– Я его и сейчас не видела.

– Почему? – видно, подобный вопрос идиотским ему не казался.

– Спать по ночам хочу.

– Понятно. Но придется все же взглянуть. Вдруг узнаете. При нем нет ничего, что позволило бы установить его личность, а это сейчас очень важно.

Мы направились к носилкам, которые как раз загружали в машину.

– Говорят, у вас тут детективное агентство? – спросил следователь и весело фыркнул.

Я решила не отвечать, а он продолжил:

– А вы, значит, тоже сыщик? Шерлок Холмс?

– Я – баба-дура и мужикам кофе завариваю, – ответила я, чем служивого смутила.

Был он молод, одет с иголочки и явно тяготел к женскому полу, на меня по крайней мере поглядывал с интересом.

– Я ничего такого не имел в виду, – забубнил он. – И не считаю, что женщины должны дома сидеть, постоянно занимаясь уборкой…

– Ну, это понятно. Иначе когда мы будем стирать и готовить.

Мы подошли к машине и дискуссию о месте женщины в современном мире решили прервать по обоюдному согласию. Он кивнул на лицо убитого и с легким подхалимством попросил:

– Посмотрите, пожалуйста.

Рыжие волосы покойного, когда-то яркие, сейчас имели ржавый оттенок. Красноватая кожа, как это часто бывает у рыжих. И веснушки. Они покрывали все лицо, которое было мне совершенно незнакомо и все равно вызвало внезапную тоску, напомнив, во что мы все превратимся. Я увидела след удавки на шее, но не это потрясло меня.

– Что у него во рту? – задала я вопрос.

– Не понял, – растерялся следователь.

– У него во рту что-то есть, похоже на листок бумаги, взгляните, кончик виден между зубов.

Он посмотрел так, точно я спятила или еще хуже – издеваюсь.

– Вы его видели раньше? – задал он вопрос с начальственным видом, я покачала головой и отошла в сторону, услышав, как он сказал: – Проверьте, что у него во рту.

Через минуту выяснилось: во рту у убитого действительно листок бумаги, свернутый вчетверо. Когда его развернули, смогли прочитать следующее: Л 24:19–20.

– Какой-то шифр? – Следователя, должно быть, потрясла моя прозорливость, и он вновь обратился ко мне в тайной надежде, что я с легкостью расшифрую надпись. Я с усмешкой ответила:

– Понятия не имею.

Волошин и Димка, которых уже отпустили с миром, сидели на скамейке возле остановки и оттуда наблюдали за происходящим.

Когда я к ним присоединилась, Димка спросил:

– Видела его когда-нибудь?

– Нет. У него во рту была записка. – Я назвала комбинацию цифр и букву.

Вадим хмуро уставился на Соколова, а тот пожал плечами.

Бергмана мы обнаружили в кабинете, здесь же была Лионелла, при нашем появлении удалилась, а я пожалела, что не могла услышать их разговор. Уверена, он касался нашей находки. Джокер встретил нас короткой речью:

– Добропорядочные граждане обязаны оказывать помощь следствию, но полдня мы уже потеряли, между тем формула «время – деньги» сейчас актуальна как никогда. Девушка и Воин отправляются в больницу…

– Ты хочешь взяться за дело Лотмана? – удивилась я.

– Решение принято большинством голосов. Разве нет? – в свою очередь, удивился Бергман.

– Но… я думаю, сейчас куда важнее выяснить, чей труп подбросили под твои окна, и найти убийцу. Он оставил послание: Л 24:19–20. Если мы его расшифруем…

Бергман едва заметно поморщился.

– Думаю, речь идет о библейской книге Левит. Оригинальностью убийца не блещет…

– Дима, посмотри, что это значит, – попросила я.

Бергман, глядя на меня, развел руками.

– Выражение хорошо известно даже тем, кто Библии никогда не читал. «Око за око, зуб за зуб».

– Выходит, это чья-то месть?

– Давай предоставим полиции заниматься всем этим, – отмахнулся Максимильян, чем вызвал недоумение.

– Мы не будем искать убийцу? – решила уточнить я.

– У нас есть клиент? – вопросом на вопрос ответил он.

– Нет. Но…

– Если он вдруг появится, мы обязательно этим займемся. А пока я бы советовал тебе позавтракать и наконец-то отправиться в больницу.

Завтракала я в компании Вадима, он тоже решил подкрепиться, раз уж нам предстояло отправиться в больницу вдвоем. Воин жевал с праздным видом, встречаясь со мной взглядом, беспечно улыбался. Судя по всему, он не видел в ситуации ничего необычного. Я же пребывала в недоумении. Мало того, подозрительность в отношении Бергмана достигла прямо-таки небывалых высот.

– Ты понимаешь, что происходит? – не выдержала я. Вадим взглянул озадаченно.

– Ты об этом трупе?

– Разумеется, о трупе.

– И чего?

Я бы решила, что он издевается, однако взгляд, обращенный ко мне, был скорее озадаченным. И вовсе не поведением Бергмана, как выяснилось чуть позже.

– Дался он тебе, – проворчал Вадим, продолжив жевать. – Джокер прав, пусть менты разбираются.

– Человека убили под его окнами…

– Не передергивай. Убили его не здесь.

– Хорошо. Не здесь. Но это послание. Он сам об этом сказал. Так?

– Ну… – кивнул Воин без особой охоты.

– Послание адресовано Максимильяну. Но оно вроде бы его не интересует. По крайней мере он пытается убедить нас… Этому должна быть причина, – раздраженно закончила я.

– Угу, – буркнул Вадим. – Например, Джокер не хочет, чтобы мы лезли в его дела. Неужто непонятно?

Само собой, так оно и было. Удивляло отношение к этому Вадима.

– И тебе неинтересно? – помедлив немного, спросила я со вздохом.

– Как сказать… – Он почесал за ухом, улыбнулся и продолжил: – Хочешь совет? Не забивай голову.

– Лаконично. И доходчиво, – усмехнулась я.

– Я старался, – раздвинул он рот до ушей и произнес лениво: – Джокер прав, у нас есть клиент. Клиент – это деньги, я в них остро нуждаюсь. Давай займемся девчонкой…

– Ты что, боишься? – куда резче, чем хотела, спросила я. Вадим смотрел с недоумением, точно гадал, о чем речь.

– Джокера – нет, – ответил он не меньше, чем через минуту, в продолжение которой мы таращились друг на друга.

– Тогда чего?

– Совать свой нос, куда не просят. Даже если делаешь это из лучших побуждений, чтобы другу помочь. Улавливаешь мою мысль? Надеюсь, если ему понадобится помощь, он об этом скажет.

– Он не позволяет вмешиваться в свои дела, но охотно вмешивается в наши.

– Это ты сейчас о чем? – удивился Вадим. – А… понял. Злишься, что Джокер считает: с выбором ты поторопилась?

– Откуда ему, черт возьми, знать об этом? – зло фыркнула я. – Тоже мне, провидец.

– Он не такой, как мы, – совершенно серьезно заявил Вадим. – Ты и сама это знаешь. – Я недовольно кивнула, намереваясь сказать, что в данное определение вкладываю совсем другой смысл, но Вадим продолжил: – Только пока не понимаешь, насколько велика разница.

Я собралась ответить, что в действительности думаю о Бергмане, но тут в кухне появилась Лионелла. Окинула нас суровым взглядом и спросила:

– Вы закончили? Мне здесь надо убрать.

– Выпьем кофе и исчезнем, – подхалимски ответил Вадим. Лионелла, задержав взгляд на мне, степенно покинула комнату.

– Уверена, она подслушивает под дверью, – усмехнулась я.

– На нее-то ты за что взъелась? – удивился Вадим. – Милейшая тетка… а как готовит… – Тут он закатил глаза и причмокнул.

– И запросто сыпанет яда в свою стряпню, если хозяин прикажет. – Говорить такое у меня не было никаких оснований, но, само собой, это скорее раззадорило. – Она работает у него много лет, но не пожелала ответить ни на один вопрос о его прошлом. Даже самый невинный. Например, кто его родители.

– А с чего ты взяла, что это невинный вопрос?

Я уставилась на Вадима, пытаясь понять, что он имел в виду, тут он вздохнул и добавил:

– Постарайся ему доверять. Тем более что он очень хорошо к тебе относится.

– Ты что-то знаешь? – спросила я шепотом, придвинувшись к нему, потому что действительно была уверена: Лионелла подслушивает под дверью. – Ни за что не поверю, что ты даже не пытался раскопать всю его подноготную.

– Правильно не веришь, – кивнул он.

– И что?

– Ничего, – покачал он головой. – Если он не захочет, чтобы о его прошлом знали, значит, мы не узнаем. А теперь потопали, нас ждут великие дела. Или просто хорошо оплачиваемые.

Само собой, такой конец разговора меня совсем не устроил. И я попыталась его продолжить по дороге в больницу. Но Вадим на все мои слова лишь усмехался или начинал свистеть, в общем, стало ясно: настаивать бессмысленно.

В больнице медсестра в ответ на наш вопрос о самочувствии Надежды Мызиной (именно такую фамилию носила внучка Лотмана) пожала плечами.

– Вам лучше с лечащим врачом поговорить.

– В какой она палате? – уточнил Вадим.

– В одиннадцатой. Врач сейчас у нее.

Однако врача мы там не застали. Постучав и не дождавшись ответа, Вадим вошел в палату, я последовала за ним. Палата оказалась одноместной. Окно было закрыто рулонной шторой, оттого в комнате царил полумрак. На тумбочке возле окна стоял роскошный букет цветов, тут же бутылка воды и поднос, еда на тарелке не тронута. На кровати, укрывшись с головой, лежала девушка, до того хрупкая, что контуры тела едва угадывались под одеялом. К нашему появлению она никакого интереса не проявила, я было подумала, что девушка спит, но тут она несколько раз вполне отчетливо всхлипнула.

Вадим кашлянул, желая привлечь внимание, придвинул мне стул, и сам устроился на табурете возле окна. Несколько минут мы сидели в молчании. Надежда не выдержала первой, стянула с головы одеяло и повернулась к нам.

– Вы кто? – спросила сердито.

На вид ей было лет шестнадцать. Светлые кудряшки падали на лоб, лицо бледное, с покрасневшими глазами. Не красавица, но, безусловно, привлекательная. Особенно глаза хороши: большущие, ярко-синие, с длинными ресницами. И ресницы, и брови были темнее волос. Вздернутый нос и аккуратный ротик, нижняя губа меньше верхней.

– Вы кто? – повторила она вопрос, переводя взгляд с меня на Вадима. В этом взгляде не было ни испуга, ни даже любопытства, все, что она чувствовала в тот момент, – отчаяние. Абсолютная безысходность, давившая тяжким грузом.

– Нас прислал друг вашей семьи Сергей Борисович Аллилуев, – ответил Вадим, избегая упоминания о родственниках.

– Аллилуев? – переспросила Надя. – Друг деда? – Слезы хлынули из ее глаз потоком, а я предложила:

– Хотите воды?

Девушка покачала головой, растирая слезы ладошкой. Ладони у нее были неестественно маленькими, точно у ребенка, а пальцы казались прозрачными.

– Не возражаете, если я немного приподниму штору? – Не дожидаясь ответа, я потянула за цепочку, и в комнату хлынул солнечный свет.

– Не надо, закройте, – взмолилась девушка, но я оставила штору опущенной примерно на две трети и открыла окно. Свежий воздух ей точно не помешает.

– Меня зовут Лена, – сказала я. – А это Вадим. Он побудет с вами.

– Здесь?

– Да. Мы считаем, что в больнице вы в безопасности, но на всякий случай…

– Думаете, меня убьют? – нахмурилась она. И вновь я не почувствовала страха, только отчаяние.

– Нет, – покачал головой Вадим и улыбнулся. – Такая красивая девушка будет жить долго и счастливо.

Она внимательно посмотрела на него.

– Вы в самом деле так считаете? Ну… что я красивая? Вы ведь это просто так сказали?

– Конечно, не просто так. Будь я моложе лет на десять, обязательно бы в тебя влюбился.

– У вас есть семья? – спросила Надя.

– Нет.

– У меня теперь тоже нет. Мама не считала меня красавицей, переживала, что я ни с кем не встречаюсь, а дед смеялся над мамой, твердил, что она отстала от жизни. Девушкам теперь ни к чему спешить с замужеством… – Тут она стиснула рот рукой и вновь зарыдала горько и безысходно.

Я стояла, толком не зная, как ей помочь, предложить еще воды? Вадим между тем сел рядом с девушкой, обнял ее, слегка похлопывая по спине, а она прижалась к нему. Уткнулась носом в его грудь, постепенно успокаиваясь.

– Все нормально, – сказал он, когда девушка, чуть отстранившись, посмотрела на него.

– Нет, – покачала она головой. – Вы не понимаете. Мне теперь незачем жить.

– Вот уж глупость… – фыркнул он. – Сколько тебе лет? Восемнадцать? Ты говоришь, у тебя даже парня не было? По-моему, стоит хотя бы узнать, как на самом деле происходит то, о чем так много пишут в книжках.

– Вы говорите о любви? – прошептала она.

– Конечно. О чем же еще?

– А если меня никто не полюбит?

– Такого не бывает, – усмехнулся Вадим.

– Бывает. Моя мама была одинока.

– А как же твой отец?

– Он не любил ее. И меня не любил. Ему нужны были мамины деньги. Дедовы. А когда дед их не дал, он просто возненавидел маму. Даже бил ее.

– Отец жив?

– Нет. Умер уже давно. У меня никого не осталось, понимаете? – Я заподозрила, что сейчас она вновь разрыдается, и поспешила вмешаться.

– Ты могла бы ответить на несколько вопросов? Это очень важно.

Девушка нахмурилась, а Вадим взглянул укоризненно, решив, что торопиться ни к чему.

– Какие вопросы? – жалобно посмотрев на Волошина, спросила девушка.

– О том, что случилось тем вечером. Полицию вызвала ты?

– Да.

– Расскажи об этом подробней.

– Что рассказывать? Я ничего не помню.

– Не помнишь, как звонила? Тогда почему решила, что звонила ты?

– А кто еще? Остальных убили. Я обо всем рассказала следователю. Я больше не хочу вспоминать об этом…

– Понимаешь, это очень важно, – вмешался Вадим. – Мы не следователи. Мы твои друзья. Мы хотим помочь. Для нас главное, чтобы ты была в безопасности. А для этого надо знать, кто мог желать тебе зла.

– Вы в самом деле останетесь со мной? – робко поинтересовалась девушка, а я подумала, что первая любовь, возможно, не за горами. Вряд ли Вадим – подходящая кандидатура, но кого это останавливало?

– Конечно. А сейчас тебе нужно ответить на вопросы. Будет тяжело – сделаем перерыв. Договорились? Расскажи все, что помнишь о том вечере.

– У меня был день рождения, – вздохнув, начала девушка. – Мама приготовила ужин. Приехала тетя Ядвига, подарила мне кольцо. Красивое. Мы сели за стол. Дед еще утром мне машину подарил. Мы даже прокатились немного…

– О чем вы говорили за столом?

– Вот об этом и говорили. Я была так счастлива…Потом я пошла в туалет и услышала выстрелы.

– Сколько было выстрелов?

– Не знаю. Я так испугалась. Сначала просто стояла возле умывальника, затем подумала, надо запереть дверь. Она была закрыта, но не заперта. А потом подумала: нужно бежать. Я… я сама толком не знаю, о чем думала. Было так страшно… я ничего не понимала. Когда стало тихо, я открыла дверь и вышла…

– Туалет был рядом со столовой?

– Да. В коридоре. Из холла дверь в коридор, а еще в сад. Я подумала, надо бежать через сад. И позвонить… кому-нибудь. Но я хотела знать, что с мамой и с дедом… Я… вышла и увидела его.

– Убийцу?

– Да. Он появился из столовой, в руках у него был пистолет. Это я точно помню. Я подумала, нужно спрятаться. Вернуться в туалет, запереть дверь. Глупость, да? Мобильный остался в столовой… Он бы вышиб дверь и убил меня. Но было так страшно, я хотела спрятаться… – Тут девушка зажмурилась, было видно, как трудно ей говорить, какую боль причиняют воспоминания. – Никуда я не побежала, стояла и смотрела на него… на его руку. А потом он выстрелил. Больше я ничего не помню.

– Очнулась ты уже здесь?

– Нет. Я очнулась, когда приехала «Скорая». Меня положили на носилки, и я пришла в себя. Мне так сказали. Но я ничего не помню. Следователь спросил, кто вызвал «Скорую». У меня об этом очень смутные воспоминания. Помню, что ползла к телефону, но, может, это было в бреду? Когда следователь спросил о звонке в полицию, я поняла: это вовсе не бред. Я смогла добраться до телефона.

– Это тот телефон, что был в холле?

– Да. Совсем рядом с туалетом. Когда приехали полицейские, трубка валялась на полу.

– Но сам звонок в памяти не остался?

– Нет.

Этот звонок не давал мне покоя, понятно, что позвонить могла только Надежда, остальные к тому моменту уже скончались. Но что-то упорно смущало, а теперь выяснилось: девушка ничего не помнит. Вполне логично заключить: звонила она. Но логика иногда подводит.

– Ты знала, что в доме находится крупная сумма денег?

– Не знала… то есть я знала, что дед картину продал. Я слышала их разговор с мамой. Деньги в доме всегда были. Дед говорил: ничего нет надежнее наличных. – Она произнесла это с серьезным видом, имитируя интонацию деда, получилось очень смешно, хотя вряд ли она этого хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.